

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Беркем аль Атоми

МАРОДЕР

НЕНОРМАТИВНАЯ
ВНИМАНИЕ!
ЛЕКСИКА

«КРЫЛОВ»

Мародер

Беркем АТОМИ

Мародер

«Издательство АСТ»

Атоми Б. а.

Мародер / Б. а. Атоми — «Издательство АСТ», — (Мародер)

Бесчеловечный роман широкоизвестного сетевого автора рассказывает о торжестве западной демократии на Урале. Рыба сгнила с головы. Засевшие в Кремле агенты влияния других стран сделали свое черное дело под прикрытием гуманистических либеральных лозунгов. Коррумпированные политики продали Россию, разрешив ввод натовских войск для контроля за ядерными объектами и «обветшалыми» пусковыми установками. Так пришел знаменитый Полный Песец. Холод, тьма. Голодные одичавшие жители некогда развитого промышленного города истребляют друг друга за пригоршню патронов или пластиковую бутылку крупы. Во что превращаются люди на грани выживания, как происходит естественный отбор в условиях тотальной катастрофы, кем становится простой обыватель в мире насилия – многие страшные тайны скрывает в себе «Мародер».

© Атоми Б. а.

© Издательство АСТ

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Беркем аль Атоми Мародер

Глава 1

Все дело в доме. В Самом Начале он уселся в очень удачном доме, крупноблочном и просто сказочно расположенном. Главное же, чем дом отличался от рядом стоящих, – скважина. По нынешним временам это весьма даже круто, последняя скважина была пробурена уже давненько, а следующей, похоже, ныне живущим не дождаться. Тут дело не в одном удобстве, скважина делает хозяина неуязвимым в том гипотетическом случае, если каким-нибудь идиотам захочется поиграть в осаду углового Ахметкиного: из дома просто никто не выйдет за водой, стало быть, не будет повязан – а это единственная вменяемая тактика осады, иначе дом не взять. Разве что как раньше: привести рыл пятнадцать и патронов не жалеть; да только такими толпами больше никто не собирается, невыгодно. В общем, можно даже не сильно бояться, разве что гарнизон хозяйский – да только на хрена гарнизону сдался какой-то дом аж в самом сердце мертвого города...

– Ну ты че разлегся, не слышишь? – В дверях появляется жена – баба, как ее про себя зовет Ахмет. – Он уже раз пять стукнул, да я тебе ору сколько! Приперся, легок на помине... Че-то тащит. Он не долг ли отдать собрался? Да хрена он отдаст, знает, что ты рохля, у тебя все можно забрать – ничего тебе не жалко! Давай забирай, а то я сама возьмусь, мужик-то рта не откроет, все самой... – уже удаляясь обратно на кухню, что-то месит там, руки в муке – видать, на ужин что-то типа пирога. Хозяин, отодвинув заслонку самодельного перископа, наведенного на вход во двор, убедился: да, Серый; в самом деле чего-то принес. Снова заматывается арматуриной:

- Хорош долбить!
- Ты че там, уснул? Можно?
- Давай заходи.

Скинуть клемму, а то чем черт не шутит. Серый петляет в лабиринте, вход во двор оформлен – мама не горюй. Полезешь налегке – сто раз пожалеешь, еще когда техника ходила, на этот вход столько было изведено – вспомнить страшно. Зато и вход получился – любо дорого взглянуть. С улицы выглядит как автосвалка, да только такую свалку не растащить: все газом прихвачено, егозой перепутано – заходи не бойся, выходи не плачь. В принципе, такая засека уже не нужна, ну да пусть будет, гостям нынче никто не рад. В подъезде стоит у стены сходня, перекинул ее через дыру на месте пролета – добро, Серый, пожаловать.

- Здорово, Ахмет.
- Здоровей видали. Че тащишь? Никак, за пшенку отдать надумал?
- Ахмет, ты че завел с порога? Я тебе тут штуку одну принес – охренеешь...

Пока хозяин запирался, Серый прошел в комнату, чем-то загремел в мешке. Зашел Ахмет – а Серый сидит, сдержанно так сияет, на столе лежит обычный АКС¹, хотя... *Блин, а ведь АКС-то как новый! Почему «как», просто новый. Ни хрена себе!.. У Ахмета требовательно задергалась жаба: ...так, где-то какую-то нычку нашли, еще с Самого Начала; Серый не мог ни найти, ни участвовать, хрен его кто возьмет; значит, нычку уже день-два минимум как раскурочили, не иначе надерганное на базаре появилось – Серый-то с базара не вылезит; либо залетные откуда-нибудь притащили – но почему он так льбится, или даром досталось? Ну,*

¹ АКС – АКС-74 – распространенная модификация автомата Калашникова АК-74 со складным рамочным металлическим плечевым упором, калибр 5,45 мм.

Серый, никак, залетного завалил, машинка нулевая совсем, такую пятерок² за пятьсот – шестьсот можно слить... Жабьи клешни давили все сильнее.

Начался торг.

– Ну че, Сереженька, убивец, бля, ты наш, не ищут тебя, случайно? Прямо сейчас? Какие-нибудь типа пыштымские? А ты тут мою хату палишь. Че лыбишься-то, гад? Сейчас как напнется их человек десять в ДК, и обойдется мне это минимум в ленту! Нет, че ты лыбишься – типа не видел никто? Детство в жопе! Всегда кто-то видит! На хрена ты ко мне приперся с этой херней, впарить мне хочешь и стрелки перевести, да?

Серый не возражал, не спорил – и это было довольно непривычно. Тут хозяин как бы в расстроенных чувствах взял акушку в руки и приступил к следующей стадии формирования договорной цены:

– А машинка-то почти как новая. Че хочешь-то за нее? Только не говори, что больше пяти рожков пятерки. – Тут он первый раз поднял свою тщательно нахмуренную морду и осекся. Серый сидел спокойно, даже расслабленно, воздуха для ответной реплики не набирал и вообще вел себя не так. Видимо, версия не проходит, совсем. – Че за хреновина, Серый? – спросил уже серьезно. Серый просек, что заинтересовал, и тут же под шумок надерзил:

– Тебе не татарин, евреем надо быть. Че голову ломаешь?

– Говори что хотел, Серый.

– Да че говорить. – Серый наслаждался ситуацией. – Новость есть. К гарнизонным колонна пришла, но не дошла. Встали у Вениково, возле Кожаного озера, знаешь, где на самом берегу типа турбазы какая-то хрень? Вот, охранение выставили, где контора агростанции, со стороны трассы – на посту гаишном. Все по-взрослому – пока зушка³ неokoпанная, но уже блоки таскают на ИМРе⁴, минируются, видать, типа блокпоста че-то городят. Пришли третьего дня, но к гарнизонным ихние машины не ходят, по крайней мере до севодня. Ну че, мироед, отработал я долг? – И тянется, наглец, к кisetу.

– Нет, только гляньте. «Отработал» он. Банка пшена по рожку без десяти идет, ты мне еще и на одну пятерку не наговорил – а уже, ишь ты, табак без спросу хватается. Три литра пшена, а через пару дней вся Тридцатка будет знать.

– Дак то через два дня, а то сейчас. Ты ж не банку сраную, ты на этой сказке мешок наваришь. – Но тут Ахмет сделал на морде выражение, типа еще слово – и пиздуйте за пшеном, товарищ Серый. Вроде проникся. – Самое интересное, что с ними не то что хозяев или там немцев нет, даже сраного турка нету. Одни они, прикинь.

– Да ты гонишь. Точно?

– Ахмет, бля буду. Слушай, короче. Я пошел в Вениково к Магомедычу, мы за чебака договорились, ну и это, зашел за ним, пошли к Кожаному озеру, у него как раз бригада обедала. Пришли, он мне чебака насыпал, бригада дохавала, отчалила – ну, я расчелся, потом достал, разлили – сидим, хорошо так. Тут пацаненок прибегает, че-то несет по-ихнему – аж захлебывается, глаза по шестнадцать копеек. Смотрю, Магомедыч с лица поскучнел, я аж патрон дослал, волюну поближе держу. Че-то стряслось, чую. Ну, у меня мысли – сам знаешь, типа хаслинские поперли опять. Я тут же ноги в руки – пока, мол, Магомедыч, я до дому. Он такой – обожди, мол, посиди тут. Сам вскочил, к берегу бежит, орет че-то по-ихнему, руками машет. Его бри-

² Пятерка, семерка – обиходные названия патрона 5,45 и 7,62 мм соответственно.

³ Зушка – спаренная зенитная установка ЗУ-23–2 23 мм калибра. // Делалась для десантных частей, но со временем распространилась по всем родам сухопутных войск. Изначально мыслившаяся как зенитная, реально зушка используется для другого – подавить огневую точку, разобрать бронетранспортер километра за два – два с половиной; короче, тогда, когда цель не – или малоподвижна и сидит за толстой стенкой либо броней, а подойти поближе не получается. Ну и в обороне, конечно. Еще в Афгане зушки ставили на «Уралы» – получалось крайне эффективное для некоторых задач сочетание.

⁴ ИМР – инженерная машина разграждения. Представляет собой ходовую часть от Т-55, с бульдозерным отвалом и телескопической девятиметровой стрелой, на которую может ставиться разное оборудование – ковш, крюк и даже этакая «хвतालка». Может поднимать груз до 2 т.

гадные враз обратно приплыли, башкир один выскочил, с пацаненком в деревню побежал. Я сижу вообще в непонятках. Тут Магомедыч подошел, уже с вольной – откуда взялась, вроде не было только что. Айда, говорит, Сережа, дорога скажу. Ну, в смысле, по дороге расскажет, что тут за движуха. Пошли мы между дорогой и берегом, я за этим старым чертом, веришь, едва поспеваю. Прошли пост, где менты раньше стояли, поворот, где покрышки вкопаны, – ну, там, где лес кончается. Вот там и сели под елку, я как дух перевел, спрашиваю – че, мол, за балет? Он, это, – пацан-то, помнишь? – пошли, грит, пацаны в лес, в сторону Куиша, а одного с дороги кто-то застрелил. Вот он к отцу и прибег, это второй пацан евонный. Стреляли, говорит, солдаты на солдатской машине. Откуда сейчас солдаты – до конвоя месяца два самое малое. Вот, мол, мы с тобой и выясняем этот антиресный вопрос. Я ему такой: а я-то при каких здесь? Магомедыч такой: Сережа, ты один – я один; у этих, мол, семьи; а у тебя – бинокль. Тыкает в телугу мне, типа знаю, что с собой! Вот морда нерусская – откуда, спрашивается? Ну, дал я ему бинокль, закуриваю, а он хлобысть меня по руке – типа тепловизор. Я ему – ты че, Магомедыч, размахался? Тут тебе че, трасса? Когда беспилотника последний раз слышал? Он мне только пальцем тычет на небо, типа слушай. Ну, сижу, слушаю. И раз, через время, – Серый опять без спросу полез к кисету, – слышу я угадай чего? Беспилотку эту, которая с двумя винтами, еврейская, говорят, которая. Идет со стороны трассы, сотнях на трех-четырех где-то, и с одной стороны дороги – на другую, с одной – на другую. Ну, мы на вольны легли, серебрянкой моей накрылись, полежали. Прошла. А с дороги-то слышать уже, идут. По звуку – много, чуть ли не как в Начале Самом. Показались. Мы с Магомедычем лежим, дивимся – голова прошла, скрылась – а хвоста еще не видно. Короче, около роты махры, и заметь, не с нашей зоны, а сколько видел – все славяне, быки откормленные, хабэ на них хозяйское, а сбруя, оружие вроде наши. Ехали на «КамАЗах», номера, эмблемы хозяйские. Наших ни букв, ни цифр нет. Так, состав: бортов с пехотой или с чем там – больше двадцати, меньше двадцати пяти, точно можешь у Магомедыча узнать, он вроде как записывал. «Уазиков» пара, связистский кунг, тоже на «КамАЗе», ИМР один, фура гражданская еще, тентованная. Бэтэров прошло три, новые. Еще две зушки на «КамАЗах», заправщик, трал еще спереди... И еще... – Тут Серый сделал ТАКУЮ паузу и ТАКУЮ физию, которые могли предварить только рассказ о том, что посреди колонны ехала Алла Пугачева на Годзиле, а вокруг летали бэтмены. – Ты помнишь, кино хозяйское такое было – универсальный какой-то там солдат, там еще актер играл, с такой рожей, даун такой злобный? Фуру помнишь, она еще когда открывалась – дым шел, ну не дым, а как газ, когда испаряется, сжиженный? Ну, где эти сидели, там еще доктора их типа ремонтировали...

– Ну, помню, дальше-то что?

– А то. Там посреди колонны такая же херь ехала, прикинь.

– С чего взял-то, что такая же?

– Сам бы увидел, тоже б не попутал – точно такая же фура. Помню, идет мимо, а я брюхом из земли чувствую, ой какая она, сука, тяжелая. И дым этот сраный, ну не дым, а газ – или че там.

Остался один, теперь уже не столь важный вопрос.

– Вольну-то что они, по дороге потеряли?

– Башкир этот, помнишь, отец-то пацана того, с вечера сходил до этих, принес вот. Видать, расчелся за пацана-то. Ну, я и забрал у него, за три рожка.

– И это я еще тут еврей.

Тут стало понятно, что услышал все. Потом будет только одиссея – как возвращался да че подумал, не переслушаешь. Нужно было переварить, накидать вариантов, отобрать перспек-

тивные и уточнять уже по ходу. Хозяин резко поднялся, надел разгрузку. Взял волюну, стволы к «утесам»⁵ всучил Серому.

– Пошли наверх.

– Куда, Ахмет? Че там делать? – Серый начал уже привыкать к роли акына, освобожденного от сбора кизяков, пора возвращать парня на грешную землю Тридцатки.

– Трубу мазать будем, че еще. Точнее, ты будешь, пока я там по хозяйству поковыряюсь. Что, решил уже, типа, нет за тобой банки? Поллитру, ладно уж, спишу за байку, вторую сейчас отработашь, а оставшихся два литра за АК зачту. Пятнадцать пачек, согласен? Значит, от банки – два литра в остатке – семнадцать пятерок. Ну, три пятерки сраных ты с меня тянуть же не станешь, правильно? Значит, я тебе должен четырнадцать пачек. Правильно? Ну, как трубу починишь.

– Ну ты и гад, Ахмет, морда татарская, исплотатор... – Серый был рад, сделка вполне соответствовала его ожиданиям, но не огрызнуться было нельзя.

– А як же ж. Бачок с кухни тащи, спросишь у бабы какой.

На втором пусто – Ахмет тщательно, под метлу очистил все квартиры над собой, на второй так просто не попасть. Все лестничные пролеты аккуратно обвалены, перемещаться в доме по вертикали можно только в жилом подъезде. По горизонтали – а это где найдете. Искать придется долго, причем количество ищущих в процессе поиска будет сокращаться – наткано много и с фантазией. Настраивая некоторые из самых удачных сюрпризов, хозяин искренне сочувствовал будущей цели – так вероломно и жестоко... впрочем, не лезь куда не звали – и ничего с тобой не случится. На втором, естественно, ничего взрывающегося нет. На окнах сетка да куски рубероида – так, неплотно, чтоб снегу не особо наметало да свет немного проходил. Да чтоб не дуло еще одному рубежу обороны. Ахмет зовет его Кя-бир, он вежливо отзывается – и как-то понятно, что отзывается он именно из вежливости. Он кавказец лет трех, край четырех, чуткий, как РЛС. Хозяин давно укрепился в подозрениях, что, засекая приближающегося человека, Кя-бир узнает, что ему надо. Видимо, собака слышит не только звуки, но и многое другое. Вот и он, стучит когтями по бетону, не прячется – похоже, мы сегодня пребываем в изрядном благодущии.

В проломе появляется башка Серого, он сразу начинает сюсюкать с Кябиром, тот не возражает, даже дает чесать лысые шрамы от ожогов. Вниз летят веревки, поднимается пластиковая фляга с водой, и все повторяется – на третий. С третьего на четвертый оставлена лестница. Серегу хозяин всегда тормозит внизу, пока разряжает ловушку: лестница защищена на славу, сунувшегося порвет как газету. Вот и четвертый – орудийная палуба. Он совершенно пуст; где получилось, даже стены порушены и сброшены вниз. Тут расположен фирменный дымоход – здоровый, с квадратный метр в сечении, короб из разного мусора, разводящий дым по десятку комнат. Когда дым остывает, его вытягивает на улицу почти незаметным – иди догадайся, что это Ахмету баба суп варит, а не тлеет какой-нибудь матрас. Главная цель дымохода – сделать обитаемость дома неприметной не столько визуально, сколько в ИК⁶. Очень уж ему неохота получить от гарнизонных какую-нибудь хреновину с гээсэном⁷ по теплу. Иногда короб обваливается, и приходится лазить его подмазывать – как сейчас вот.

– Серый, видишь дыры, где дым херачит? Давай замешай да замазывай. Цемент там же, тазик – сам знаешь как че.

⁵ «Утес» – название крупнокалиберного (12,7 мм) пулемета НСВ (конструкции Никитина, Соколова и Волкова). Чтобы углубляться в тактико-технические характеристики достаточно сказать – подавить огневую точку с НСВ в полевых условиях без артиллерии либо минометов нереально – не подпустит. Ни с гранатометом, ни со стрелковым оружием. В условиях застройки, должно быть, шансы повышаются, но вряд ли намного. Сам не пробовал и пробовать не полез ни за что.

⁶ ИК – инфракрасный, тепловой (диапазон).

⁷ ГСН – головка самонаведения.

Сам на обслугу: проверить погребок да утесы. Их два, один нормальный, другой – дрова полные, переделанный под ручной спуск из НСВТ⁸. Поневее который смотрит на самый хреновый сектор, ДК химзавода. Все разы, когда Ахмету приходилось наложить в штаны, – накат был оттуда. Стоят они в коробах из рубероида на рейках, в слегка масляной мешковине, без стволов. Станки прихвачены к старым, еще чугунным газовым плитам, удобная вещь, надо сказать. Менять огневую одно удовольствие, передвинешь – а еще никто башку поднять не успел, внизу, наверное, кажется, что стрелок от пулемета к пулемету бегают. Сколько, помнится, пота пролил хозяин с предшественниками Серого, вырубив просеку для их перетаскивания. ...*Зато сейчас я влежку остановлю хоть двадцать рыл. Эх, поменять бы «утесы» на корды⁹ да КПВ¹⁰ добыть*, – раскатывает губу Ахмет. – *Тогда было бы вполне реально принять в Дом семей пять-десять, а это и караул круглосуточный, и доход ощутимый, опять же рабочая сила, и – чего уж там – новое бабье...* КПВ – давняя его мечта, да только нет их на продажу. Такое не продают. Такое добывают, и платить надо кровью. Хорошо стоящий дом под КПВ – это все. Можно забыть обо всех неприятностях – тебе все принесут, сиди да цены называй. Ахмет погружается в мечты – *ах, был бы у меня КПВ... И чтоб о нем никто не знал! Я бы тут же выгрыз второй – знаю где, там народ в основном старый да лоховатый, – что их еще не вынесли, удача просто. И КПВ, конечно. Где же они его достали... Взять не могли – лохи; купить – где? На них даже цен нет, за КПВ можно что угодно просить. И дадут, дадут...* За этими мыслями он проведаль «утесы», освежил маскировку, сжег тополиный пух, прибрался. Второй «утес» смотрит в сторону озера и Петроградской улицы. Оттуда уже давно не наезжают, но... Живы еще, живы воспоминания о дружеском визите из Хаслей, крупной деревни на том берегу разделяющего нас озера. Они тогда точно выбрали время – подошли наутро после недельной пурги, грамотно зашли, от солнца. Их визит не отличался экономией – наши междусобойчики чаще заканчиваются парой-тройкой скупых очередей, а хаслинские устроили целую войну. Они успели взять один из двух рыбацких домов, ближний к Ахметову дому, на берегу – там сидели богатые рыбаки, Ахмет их половину знал еще До Этого. Рыбачки с Самого Начала грамотно уселись в двух девятиэтажках на высоком берегу, где-то в полукилометре друг от друга. У них было все – все, что можно купить, они сидели на одном из самых прибыльных промыслов – но это им не помогло. Те, кто не успел сдриснуть из окруженного дома, – умерли плохо, даже по нынешним меркам. Хаслинские убили их наскоро, но душевно. Пока трофейная команда грузила добычу да резала рыбаков, их бойцы выдвинулись в охранение. Ахмет оказался у них на пути, им дом тоже показался выгодно расположенным.

...*Ну че, сами решили, а могли бы мимо пройти, даже мысли бы не было стрелять по вам, уроды. Сашка жаль, конечно, но нынче сами знаете – каждый самсусам...* Примерно с такими мыслями Ахмет срезал из волыны первого хаслинского в самопальном маскхалате. Его крутануло, кровь из разорванной шеи дымным веером плюхнула на стену, вдоль которой он только что крался. ...*Так, один АК, плюс патронов с полста, теперь главное – не дать вытащить.* Достать номера второго сразу он даже не надеялся, но тот не бросился за ближайший угол, а подбежал к дрыгавшемуся номеру первому и сразу же поймал еще одну короткую очередь. Ахмета тут же засекли, ударили из пяти-шести стволов. Конечно же зря – пока хаслинские рвали толь в крайнем проеме, он уже метнулся на две комнаты правее.

⁸ НСВТ – танковый вариант НСВ, с электроспуском.

⁹ Корд – крупнокалиберный (12,7 мм) пулемет, выпускаемый с начала 90-х годов в качестве замены устаревшего НСВ («утес»).

¹⁰ КПВ – крупнокалиберный пулемет Владимирова. Принят на вооружение в 50-х годах. Очень, очень серьезный аппарат, практически это малокалиберная автоматическая пушка. Калибр – 14,5 мм, пуля весом в 64 г на стволе имеет энергию 33 кДж (!). Чтобы зримо представить эффективность этого великолепного оружия, достаточно сказать, что дальность прямого выстрела – 3,5 км (при дальности 9 км), и любое попадание в любую часть тела – смертельно, так как даже при попадании в конечность, пуля КПВ эту конечность отрывает. Всю.

...Только бы полезли в дом напротив – он так хорошо стоит, из него меня гранатой достать не вопрос, давайте, снизу же так трудно стрелять, – шептал Ахмет кровожадную мантру, цепляя машинку. Но у них, похоже, либо был в команде кто-то местный – либо просто опытный, гад, в дом они не пошли. ...*Жаль, разок нажать – и общий привет. Ну вы хотя бы мимо торца пройдите, к стеночке поближе... Блин, пошли! Идут, ма-а-аленькие, идут, мои хороо-о-ошие... Так, молодцы... Еще давай, вон под то окошко, – он почти любил их в те секунды, последние секунды их жизни, – вот, еще деху, вот... Есть.* Под пальцем туго хрустнула кнопка капээмки¹¹, и улица содрогнулась. Сквозь звон в ушах с улицы доносился вой, быстро оборванный одиночным, – добились своего. ...*Ну, я и не рассчитывал, что всех. Минимум один попал – теперь вас пятеро самое большее. Если не успокоились, сейчас попробуют обойти. Давайте, через мой двор хоть заобходитесь – только маловато вас, быстро кончитесь.* Ахмет подождал – ничего; тихонько высунул перископ, – *не, точно кто-то местный у них есть, – четверо везучих тащили пятого, уже метрах в ста. Шестой наполовину торчал из груды бетона – в одной окровавленной тельняшке: ни полушубка, ни волюны. ...Хрен че оставят, гады. Ишь, быстро, суки, бегают.* Стрелять вдогон не стал – смысла уже не было. Оставалось мухой смотаться, забрать у первых двух волюны с патронами, пока пыль не села и умников не набежало на халяву. Так закончился Эпизод 1 Хаслинских войн, с прибылью в полушубок, два пообанных АКС и полторы сотни пятерок. Хаслинские тогда ушли, почти все ушли, со всем хабаром. С тех пор приходят каждую зиму, как лед станет – так и лезут, огребаются страшно – но один хрен; жрать-то у них окромя чебака нечего. К Ахмету вот только ближе, чем на пятьсот метров, не подходят – или думают, что здесь целая толпа сидит, или кто из тогда ушедших до вождя дослужился, помнит, сучара, как тридцатовские за десять секунд отделение ополовинили. Закончив с «утесами», пошел проверять погребок. Это наглухо заложенная комната на третьем, с замаскированным проломом в потолке. Служит арсеналом для работы на боевом, четвертом.

А сейчас ко мне подойти будет большой ошибкой, это тогда у меня было всего ничего – волюна почти без патронов да мины. Зато теперь я парень небедный, – ухмыльнулся Ахмет, подсвечивая фонариком свои богатства, свисающие на веревках в погребок. Все в порядке, сухо и чисто. Фанеру на место, сверху – расстрелянную дверь – все, можно запирать и сваливать.

Серый давно закончил, сидит расслабляется.

– Все дырки залечил? Не проверять?

– Да проверяй. И лопату с лоханкой проверь, а то вдруг я их спиздил. Блин, призаебся я че-то.

– Смотри проверю.

Не сомневаясь в его работе, Ахмет обошел-таки весь дымоход. ...*Буагильберы были суровы и недоверчивы – исторический, блин, опыт, надо тянуться.*

Спустились. Кябир их транзит через свою территорию проигнорировал.

Баба позвала ужинать. Серому тоже втихушку сунула кусок, Ахмет видел – уходил, все сверток нюхал. Ужинают они в кухне. Самое защищенное помещение в доме, а не давит почему-то, из-за печки, наверное. Сегодня пирог с чебаком да чай – Ахмету нравится, претензиями по жрачке он и Тогда не сильно отличался. За ужином баба начинает нудеть о базаре, хоть вроде и водил недавно. Согласился, подумал: ...*Жалко, Серый ушел, предупредить не успел – теперь тащись к нему на почту с утра пораньше.*

¹¹ КПМ-1 – конденсаторная подрывная машинка, применяемая для инициации электродетонаторов. Старинная, но самая простая, мощная и надежная из стоящих на вооружении. Вернее, стоявших – сохранились ли КПМ-1 на вооружении сейчас, автору неизвестно.

– А Сережку я уже предупредила. – Она такая, то ли мысли читает, то ли знает уже все мужнины движения заранее.

– Смотри доумничаешься. Предупредила она. Сколько раз было сказано: не лезь вперед меня. Ну хоть спрашивай, а то напланировала, не спросимши, – а вдруг я завтра собрался куда?

– Ну да, собрался. Ты собираешься по два дня, весь издергаешь – где то, где это. Собрался он. Валяешься целыми днями, хоть бы в коридоре прибрал, сколько можно просить – все ноги пошибала об твои железки, вот сейчас поужинаем – убери прям сразу, хорошо?

– Тебе что опять на базаре понадобилось, лучше скажи.

Со двора доносится грохот арматурины по кузову газельки. Хозяин сорвался к себе, глянул в перископчик:

– Че надо?

– Войти можно? Это я, Дима. Мне товар взять! – Это один из арендаторов, Дима. На базаре торгует, товар хранит у Ахмета во втором подъезде. Арендаторы – основа его благосостояния, поэтому с ними построже надо. Для них Ахмет генерирует имидж тупого, жадного и свирепого деревенского парня – очень удобно вести дела. Они, кстати, считают его не местным, а попавшим в Тридцатку уже после Того, Как Началось, таким ушлым башкиром из окрестных деревень.

– Э, Дима, ты пришел? Здравствуй, проходи, делай свой дела. Ты этот месец аренда когда отдавать сабраеш-са? Не как тот месец? – Интеллекта Диму здорово взъебывают такие шуточки тупого татарина.

– Ахмет, я же всегда вовремя, ты же меня знаешь. Ну, один день задержал, тогда из Вениково даже ты сам бы не прошел.

Смотри-ка, сучонок льстит пытается, – мысленно ухмыльнулся Ахмет.

– Задержал! А если бы я дагаврылся за твои пятерки на тот день! Смотри, этот месец плати вовремя! А то следующий раз придешь, я клемма не сброшу! Шутка, Дима, не бойся! Ахмет свой базар отвечает! – и очень похоже воспроизвел утробный гогот довольного своим остроумием азиата, немного напугавшего глупого урыса. Дима уже прошел над минами, и клемма вернулась на место.

– Кричи, как закончишь. Ты берешь, кладешь?

– Да я только возьму.

– Смотри, класть будешь – мне все покажи. Чтоб никакой там тол-шмол, понял, да?

– Конечно, Ахмет, не беспокойся.

Дима скрылся во втором. Там у Ахмета четыре квартиры под сдачу подготовлены, пятерка в день за комнату, замок свой приноси. От базара далековато, зато скромная цена – и репутация сидящего с Самого Начала. Дом ни разу не брали, поэтому торговцы охотно хранят здесь свое барахло. Ничего, хорошее дело, когда все комнаты сданы, – почти полпрожка пятерок в день. Жить можно, хозяин даже по псам да крысам себе стрелять позволяет. Вернулся на кухню, чай остыл уже, баба посуду моет. Сел к печке, хорошо так. До чего огонь сразу успокаивает, смотришь на него – в голове сразу пусто и хорошо... Только набил трубку – опять Дима орет:

– Ахмет, отключай! Пошел я!

Ладно, пошел так пошел. Собирался его еще нагрузить слегка на дорожку – а вот с огнем посидел, уже как-то и неохота. Скинул клемму, открыл кормушку:

– Иди, отключено.

– Погодь, Ахмет.

Дима поставил свою китайскую полосатку¹², и пошел к хозяйскому подъезду. ...Ээ, брат, так низя. Ахмет навел волюну ему в лоб и шелкнул переводчиком.

¹² Полосатка – китайская сумка, широко использовавшаяся челноками в 90-х годах. Представляет собой прямоугольную в

- А ну стой там. Че, попутал, что ли, башку отстрелить?
– Забыл тебе сразу сказать. Тут один хочет снять у тебя, я ему насоветовал. Торгует давно, наш, местный, сам с профилактория.
– Он знает, что ложить нельзя и цена какой?
– Конечно, Ахмет, я ему все прожевал про твои порядки.
– Ну пусть заходит. Маладец, Дима, не забываешь меня. Я тебя тоже – ты завтра базар собрался, да?
– Ну да, а че?
– Я завтра иду. Можешь со мной идти.
– Здорово, Ахмет, спасибо. Когда выходишь?
– Час от рассвета. Сумку здесь можешь оставить, занеси только, чтоб ко мне претензий не был.

Никогда Ахмет не считал, что ночь создана для сна. Ему она всегда казалась тем, что в армии звалось личным временем, а на гражданке не звалось никак. До Всего Этого только ночью он чувствовал себя более-менее собой, свободным от беззвучного гвалта в ушах и невидимого, но страшно навязчивого экрана, постоянно маячащего перед глазами со своим идиотским роликом. Не было бы счастья... Странно, конечно, но теперь он лично ощущал себя выигравшим в Тот День. Еще более странно, но эту услугу ему оказали столь презираемые, да что уж – ненавидимые им тогда америкосы. Сейчас этих слов уже не услышишь, уже целое поколение выросло, называя оккупационную власть хозяевами. Хозяевами, хозяюшками. Новое имя настолько прижилось, что молодежь уже не вкладывает в него того едкого изначального смысла; сокращенные до «хозиков» оккупанты стали данностью. Ложиться не хочется, с куском пирога Ахмет поднялся к Кябиру.

Как-то в Самом Начале, когда брошенные машины на улицах еще не сожгли, он бережно скрутил с какого-то пафосного джипа передние сидушки, сочтя их неплохой заменой обычных стульев. Тараканам они тоже очень понравились, поэтому их пришлось поднять на нежилые этажи, одна осталась у Кябира, вторая валяется на четвертом, так нигде и не прижившись. Ахмет все собирался вкерачить в него ПМП либо ПМН¹³ да вытащить в дальнее крыло – пусть стоит, может, выручит когда-нибудь. Забил трубку, сел. Ветра нет, и каждый звук можно вычленишь из фона. Никогда До Этого Ахмет не предполагал, что в районе ДК можно прекрасно расслышать грызущихся у бассейна собак. Можно, и вполне отчетливо. Оказалось, что при жизни город даже в самое глухое время непрерывно шумел – и эти шумы сливались в этакую мутную пелену, расслышать которую тем не менее было невозможно. Зато ее отсутствие... как сказать – в уши бросается? Ну, пусть так. В руинах вокруг дома осторожно возобновляется движуха, прерванная его возней. Собаки, птицы, крысы, кошки. Ахмет чувствует, что вокруг нет никого, по крайней мере – никого опасного и замышляющего пакости. Далекой стрельбы тоже нет, ни у нас, ни в Хаслях, и даже в вечно беспокойном Пыштыме тихо. Июль, народ сыт. Скоро в садах начнет поспевать урожай – вот тогда начнется. А пока как бы несуществующие аборигены South Ural special area мирно спят в своих норах под руинами.

– Кябир, – тихо позвал Ахмет, – Кябир, э, Кябир, балакэим... Пирог ошать айда, юлярка...

Ух как далеко забрался; слышно, как он лениво встает аж в районе первого подъезда. Интересно, почему он залег именно там, ведь по его расслабленному подъему ясно: Кябир

плане полипропиленовую емкость с двумя ручками того же материала, блеклого серо-красно-голубого колера, с пластиковой молнией. Емкость – от 50 до 180 л (примерно).

¹³ ПМП, ПМН – устаревшие противопехотные мины крайне примитивной конструкции. Собираются за полчаса на коленке.

ничем не встревожен, более того – уверен в прочности окружающего дом покоя. Цокает, не торопится.

– Мэ, малай, оша.

Приятно смотреть на культурно жрущую из миски псину, после стольких лет Этого Бардака людям куда привычнее омерзительные кабыздохи, поднимающие окровавленные морды из объединенных трупов. Раньше, пока их было много, – по Тридцатке пройти было невозможно. Сам-то Ахмет серьезно не попадал, но с бывшими соседями случались порой довольно неприятные вещи. Сейчас их стало гораздо меньше, но те, что остались, уже не собаки. Это какие-то волосатые крокодилы, сообразительные и наглые. Они прекрасно знают, что такое растяжка, отличают оружие с примкнутым рожком, при звуке выстрела из подствольника мгновенно рассасываются. Твари, иной раз патрона не пожалеешь.

Когда Все началось, никто сразу не понял, что вся эта жизнь стала отныне прошлой. Некоторые по сию пору верят, что все еще как-то образуется, не может же все вот так продолжаться, – и лучше не спрашивать, как может ожить разложившийся труп. В память накрепко врезалось ощущение беззвучного грохота, которым сопровождалась те дни в Самом Начале. Обыватели прекрасно понимали, вернее, чуяли циклопический масштаб перемен и их окончательность, но в голову это никак не влезало и слова не находились, не нашлись они и по сей день. Как обозвать Всю Эту Хуйню? Войны как таковой не было; впрочем, была – но это стало ясно лишь спустя довольно продолжительное время, никаких массивированных ядерных ударов тоже, хотя, пока работали радио и телевизор, что-то такое говорили; но кто, на кого и что сбросил, оставалось неясным. Об окружающем Тридцатку районе еще что-то доносилось, но что творилось за хозяйскими блокпостами всей Ural area, никто точно не знал, сведения же от приходящих торговцев были довольно противоречивы. Хозяйки предпочитали считать, что в Южноуральской спецзоне никого нет, – и для всех это было удобно. Видимо, отрапортовали о стопроцентной зачистке, а теперь сами себя подставлять не хотят. Ну, нашим после той зачистки тоже возникать не больно надо – себе дороже, и в районе от Хаслей до Пыштыма хозяева чувствуют себя как на ридной Оклахомщине. Да, дали они тогда оторваться, никто и сотой доли такого не ожидал. Тогда какие-то идиоты, скорее всего, вояки отбили у хозяек полный заправщик и разнесли из пулеметов посланного разобраться хамвика. Хозяева быстренько сориентировались, за зону не полезли, просто куда-то позвонили – и по Тридцатке откуда-то издали отработали несколько ихних РСЗО¹⁴ какого-то уж очень большого калибра. Наш-то Град не подарок, а тут было что-то покруче. Работали четыре ПУ¹⁵, отстреливали по восемь ракет. Потом с полчаса-час перезаряжались, и по новой. Когда Ахмет пошел поглядеть чего-нибудь полезного по руинам, при первом взгляде на результат просто оторопел: по городу буквально прошли граблями, между Свердлова и Ленина вместо домов лежали кучи дымящегося щебня. Никаких остатков стен, от довольно крепких сталинских строений остались невысокие холмы – от ЗЭМИ до самого парка. Смотрелось это страшновато, поэтому больше к хозяевам никто не лез. Помнится, как они впервые появились у нас. Когда электричество еще работало, по ящику незадолго до Этого начали уж очень рьяно грузить, что-де никак у нас не получается нормально управляться со своим оружием – атомными бомбами, ракетами и прочей дрянью. Грузили, конечно, и раньше – но тут уж совсем москвичи расстроились; как ни включишь, так обязательно какая-нибудь симпатичная дикторша или американский профессор чуть не рыдает: и как у нас все плохо лежит, а нормально чтоб охранять – денег, мол, нету и в ближайшее время не будет, а все потому, что не с нормальными странами дружим, а со всякими беспредельщиками. И так не меньше полугода плачут и плачут, плачут и плачут.

¹⁴ РСЗО – реактивная система залпового огня.

¹⁵ ПУ – пусковая установка.

Так достали эти ихние сопли, что наши мужики уже ходят и матерятся – дескать, забрали бы к себе в свою Америку все это ядерное говно, лишь бы перестали на мозги капать. И точно! Вскоре слух пошел – приедут американские военные наш завод от всяких ваххабитов и талибанов оборонять. Помнится, все тогда смеялись – кто ж их самих охранять-то будет? Досмеялись, бля. Когда американцы приехали, начали с того, что заменили на заводских КПП¹⁶ наших вэвэшников¹⁷ и стали строить себе городок. Надо сказать, быстро построили, меньше полугода проковырялись. Что построили – никто толком не знал: стройку с дороги было не видеть, а наших к строительству не подпускали. Потом, как построили, дорогу между городом и заводом – а это километра три – стали обносить железным забором, с освещением, камерами и прочими делами. Над заводом и городом появились ихние беспилотники, даже, как некоторые говорили, с бомбами. Опять же, по слухам, заминировали весь периметр вокруг завода. Кто на заводе работал, говорили, что американцы в цеха особо не совались, все больше с начальством в управлениях заседали, так что их было даже меньше заметно, чем в городе. Единственно что – отменили привычные пропуска, теперь пропуск, вернее, чип приспособой типа шприца загоняли под кожу на лбу, который считывался одновременно со сканированием ириса. Ну, вроде все это на жизнь не сильно повлияло – поговорили, что, типа, это еще в Библии предсказано, да и перестали. В городе американцы показывались редко, ничего не покупали; так, пронесутся на своих хамвиках до заводоуправления – и снова тишь да гладь, будто и нету их. Дивизию ВВ, что стояла в Тридцатке, еще до всего этого сократили сначала до двух полков, потом до одного, а потом и до двух батальонов, оставшихся охранять непонятно что.

Началось с того, что в субботу по большинству каналов начали показывать заставку почему-то с видами Африки, а незадолго до обеда вырубилось электричество. Ахметзянов момента отключения не заметил, так как сидел на лавочке у своего дома с бутылкой прохладного пива. На противоположной стороне улицы пожилая тетка неуклюже терзала мобильник, остановившись прямо посреди тротуара. Ахметзянов приготовился было подумать что-нибудь саркастическое о бабках и высоких технологиях, но ленивое течение мыслей было властно прервано мощным ударом холода в область желудка.

«Ну вот, бля. Началось», – четко подумал кто-то чужим голосом в его голове. С этой секунды Ахметзяновых стало двое. Один оставался прежним, второй же больше смахивал на беспредельно циничный компьютер. Его даже никак не звали, зато он мог видеть куда как острее, тут же осознавать увиденное и делать мгновенные беспощадные выводы. Оказалось, между Ахметзяновым и этим новым можно было довольно легко перемещаться – кто же при этом перемещался, было непонятно, – и Ахметзянов (или кто-то третий? разбираться было некогда) несколько раз перетек туда и обратно. Глядеть наружу из Ахметзянова было привычно, но как-то бесполезно; из Нового все выглядело куда осмысленней. Оказалось, что этот Новый уже вычислил нерабочие мобильники, погасшие светофоры, темную колбасную витрину в магазинчике напротив, недоуменно бормочущего в тангенту таксиста на углу и много, много другого, обычному Ахметзянову незаметного. К примеру, отсутствие неслышного рокота холодильников в доме за спиной. Допивая пиво, Ахметзянов уже знал, что телевизор ничего не покажет, зато покажет мобильник, что сети нет ни у какого оператора. И больше не будет. А ведь он собирался подняться к себе и пытаться принимать какие-то решения, только убедившись в том, что уже совершенно точно известно безымянному. Поднимаясь к себе, автоматически кивая соседям, бестолково суетящимся у щитков с предохранителями, Ахметзянов понял: если не дать всю власть тому, безымянному, – будет худо. Будет вот такая суета – а ведь скоро зима («При чем тут зима и почему „скоро“ – сейчас же июль?» –

¹⁶ КПП – контрольно-пропускной пункт, через который жители городов, имеющих статус ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование), въезжают и выезжают из города по специальным документам.

¹⁷ Вэвэшник – солдат Внутренних войск.

изумился старый Ахметзянов), и суetyающиеся все до единого будут мертвы. Откуда Новый все это взял, было непонятно – зато почему-то было ясно, что он прав. Прикинув разницу между Новым и мертвым, Ахметзянов совершил первый за сорок лет выбор – решительно выбрал Нового, безымянного. Хотя почему безымянного – стремительно перетекая через нечто вроде барьера между старым и новым, Ахметзянов увидел – его теперь будет уместнее называть Ахмет. Пока еще Ахметзянов резко остановился, сделал четкий поворот кругом и посыпался по лестнице обратно, через две ступеньки, совсем как в детстве. Выбежал (попутно заметив, как не строит со взрослыми это слово) во двор, остановился, успел удивиться отсутствию привычной одышки. И выбросил себя, Ахметзянова, как пустую пачку из-под сигарет.

Забежал к приятелю, живущему через двор, – у него, начинающего охотника, хранился приобретенный Ахметзяновым во времена финансового благополучия подержанный «ижак» и пачка патронов, – купив их тогда, Ахметзянов прикинул расходы и от охотничьих поползновений отказался. В двери торчала адресованная очередной девке записка, из которой следовало, что приятель отдыхает на Волге, а ключ, если что, в шестой квартире. Через полчаса переговоров с нервными соседями Ахметзянов добрался-таки до своего стратегического запаса и вышел из прохладного подъезда в душный июльский вечер со свертком и пакетом. По какому-то наитию чехол от ружья он оставил, замотав половинки ружья сдернутой (прости, Денис!) с кровати простыней.

– Смотри, собираются... – позвала с кухни жена. На самом деле, у дома, стоявшего перпендикулярно ахметзяновскому, укладывались-увязывались сразу несколько семей. – Интересно, куда они?..

– Делать не хрена. Пусть катятся, меньше народу – больше кислороду.

– А мы-то с тобой что, так и будем здесь сидеть? У моря погоды...

В голосе жены внезапно прорезались капризно-плаксивые нотки. ...*Эх, нельзя тебе раскисать, моя хорошая. Ведь как держалась до сего момента – загляденье просто. Прости, но я тебе сейчас немного помогу, потерпи. Будет чуть-чуть неприятно...* Ахмет сделал каменную морду и подчеркнуто безразлично спросил:

– Не понял, женщина? У тебя что, есть какие-то возражения?

Ответить не дал, добавил в голос рычания:

– Чтоб я этого не слышал. Поняла?

Тут уже ответа добился, причем заставил повторить, грубо, даже жестоко схватив ее за лицо. Отмерил паузу. Взял жену за плечи, развернул к себе, прижал. Сначала чуть-чуть уперлась, но все же прильнула, плечи начали подрагивать. Плачет, как ребенок. Ахмета аж разрывало от нежности и почему-то ярости. Глаза защипало, в горле набух колючий ком. ...*У-у, суки, порву за нее. И не дай бог, суки, не дай бог! Ладно, чуть сам в истерику не впал, хорош. Так, переглотнуть, чтоб голос был уверенным.* Снова сменил тональность:

– Прости, маленькая моя. Ты мне очень нужна, очень. Только прошу тебя, слушайся меня всегда с первого раза, ладно? Не спрашивай, не спорь – как бы ни хотелось, ладно? Так надо сейчас, хорошая моя, понимаешь? Вот и молодец. Молодец у меня маленькая. И не бойся ничего, все будет хорошо.

Жена еще всхлипывала, но уже было видно – взбодрилась, повторного захода не требуется. В дверь заполошно, истерично постучали – кто-то свой, из подъезда, – стоя все это время у окна, Ахметзянов не заметил никого вошедшего. На ходу вытирая глаза, жена бросилась открывать. В их узкую прихожую ворвалась соседка Любка, неразборчиво тараторя в хохляцкой манере, потащила к себе в квартиру, – видимо, там что-то случилось. Перебравшись через завалы начатой уборки на мокром полу, супруги Ахметзяновы оказались на залитой солнцем крохотной соседской кухне, где от чада резало глаза – посреди кухни на керогазе стояла маленькая лохань. «И чо?» – хотел было спросить Ахметзянов, но вдруг заметил РАБОТАЮ-

ЩИЙ ТЕЛЕВИЗОР. Телевизор был старым китайским уродцем на батарейках, давным-давно выпускавшимся в качестве автомобильного, и его ЖК-матрица дожимала из сдохших кристаллов последние часы работы. На экране бледными тенями просматривались две бабы за столом, на фоне полотнищ нашего и американского флагов.

– ...Я и подумала, может, твой сделает? А то послушать же ж надо – шо они там пиздят. Может, про воду че скажут и када свет дадут. Ну шо, давай, сосед! Там мой как-то подкрутить, тада шото слышать, только хрипить трохи...

Догадавшись, что дело в контакте регулятора громкости, Ахмет довольно быстро нашел рабочее положение. Соседка цыкнула на бесившихся в комнате детей, выключила керогаз, и наконец-то стало хоть что-то слышно:

«...вное внимание при этом следует обратить на неукоснительное соблюдение Прав человека, – подчеркнула госпожа президент. Теперь вопрос задает Паскаль Леви, „Дю Монд“. Он спрашивает, надо ли это понимать так, что по истечении срока мандата Временной администрации, России будет возвращен государственный суверенитет, и если так, то каким видится конкретный механизм передачи. Госпожа президент благодарит журналиста за столь своевременно заданный вопрос и отмечает, что как раз собиралась затронуть данную тему.

– Прошу прощения, – говорит госпожа президент, – но в наше время глобальных вызовов, которые ставят перед нами всеми как топливный кризис, так и международный терроризм, никому не стоит надеяться решить свои проблемы в одиночку. Мы никогда не добьемся процветания, разделяя людей искусственно возводимыми барьерами – и доставшееся нам в наследство от авторитарного по своей сути двадцатого века понятие „суверенитет“ – один из таких искусственных барьеров, встающих на пути свободного обмена идеями, товарами да просто общения людей из разных уголков Земли. Давайте сейчас перед всеми собравшимися проверим истинность моих слов – спросим у самих русских, разделяют ли они это убеждение. С нами в студии сейчас находится человек, более кого бы то ни было достойный представить в своем лице весь замечательный русский народ, упорно борющийся за истинную демократию на своей многострадальной земле.

Госпожа президент обращается к председателю Общественного координационного совета при Временной администрации господину Черных:

– Никита, вы по праву являетесь, не побоюсь этого слова, живым символом прогресса для всего народа России, желающего строить общее будущее со всем цивилизованным человечеством. Ваша принципиальность в вопросах гуманизма делает вас моральным ориентиром для здоровой части общества, решившей сбросить мрачный груз заблуждений, приведших Россию в нынешний кровавый тупик, и ваша позиция в данном вопросе не может не служить аргументом для каждого патриотически настроенного россиянина, делающего сейчас свой выбор – за что он отдаст сейчас свой голос: за процветание России в лоне мировой цивилизации, за будущее либо за прошлое? Поставлю вопрос прямо и честно: Никита! Что вы думаете по поводу необходимости для народов России так называемого суверенитета – стоят ли политические амбиции кучки ретроградов того, чтобы им в жертву приносилось будущее великой нации?

Микрофон передают Никите Черных.

– Спасибо, госпожа президент, спасибо, уважаемые участники брифинга! – на прекрасном английском обращается к присутствующим Никита. Дорогие зрители, если бы вы видели, с каким энтузиазмом встречает зал его выступление! Так, он начинает говорить: – Безусловно, – говорит Никита, – приоритетом для любого здравомыслящего человека является свобода. Весь мой жизненный путь гражданина, общественного деятеля, политика, приведший меня на эту трибуну, каждый мой шаг является тому доказательством. – Никита пережидает аплодисменты; продолжает: – ...Та неоценимая поддержка, все эти годы оказываемая мировым сообществом нам, людям доброй воли России, наконец привела к закономерному результату – народ России выбрал свободу! И больше никому не удастся заморочить людям головы – достиг-

ший свободы человек с презрением отвергнет призывы экстремистов, все еще, к сожалению, раздающиеся порой у нас в России; и никогда не станет сторонником ограничения чьей-либо свободы! Зачем нам тащить с собой в будущее ржавое от крови наследство прошлого? Ведь в наши дни ни для кого не секрет, что так называемый суверенитет, наряду с армиями, тайными полициями и прочим ГУЛАГом, – шутит Никита, и зал охотно реагирует на его юмор, – есть не что иное, как инструменты подавления личности, теряющие свою актуальность в условиях истинной демократии, победившей наконец лицемерный кровавый режим, рядившийся в демократические личины. Итак, я призываю каждого россиянина прислушаться к голосу совести и выбрать...»

Не то застонав, не то зарывав, Ахметзянов резко развернулся на пятках и рванул из соседней квартиры. Казалось, что от бессильного бешенства в груди сейчас что-то лопнет, а уставший притворяться нормальным ебанный мир наконец не выдержит и облегченно распадется на падающие столбики мутно-зеленых цифр, словно в старом кино о нереальности сущего. Отравленный несожженным адреналином организм требовал пива – ладонь настойчиво генерировала фантом мокрой, тяжелой, холодной бутылки. Во рту болтался горячий шматок тягучей смолы, шея затекла клейкой пленкой нервного пота, а пустые ларьки хлопали дверями на полуденном июльском ветру, гнавшем по улице пыль и неубранный мусор. Ахметзянову вдруг как-то враз стало беспощадно ясно: это – навсегда. Ни пива, ни отпуска с морем и шашлыками и даже горячего душа после работы – ничего больше не будет. Никогда. Слово-то какое, Ахметзянов аж удивился, почему ни-ког-да ранее, проговаривая эти три слога, не обращал внимания на то, как окончательно они звучат: никогда...

Малость успокоившись, Ахметзянов бессмысленно побрел вокруг своего квартала, злобно усмехаясь, какой-то его части по-детски страстно хотелось чуда – заполучить прямо сюда этого лощеного пидараса и со всей дури долбить кулаком его жирную рожу, разнося зубы в мелкое крошево, с хрустом вбивая назад все это блядство.

В голове промелькнуло: а ведь сам, сам все проебал! Ведь давным-давно даже идеально круглым дуракам стало понятно, куда все идет. ...*Да как-нибудь обойдется, да на наш век хватит... Тьфу, бля, гнилые трусливые пидоры! Да хули пидоры – а сам? Не пидор? Пидор! Самый настоящий! Как последнее чмо, гнулся под ихнюю гнилую движуху, причем сам, никто ведь в затылок стволом не тыкал. Бля, надо было давить эти масляные рожи, давить беспощадно!*

– Че, сынок, тоже посмотрел?

Ахмет поднял мутный от безысходной злобы взгляд – на лавочке у подъезда сидел дед, определенно с утра накотивший. Дед как дед, в старой фланелевой рубаше, затасканных трениках, с палкой. Ахметзянов, воспитанный в традиционном духе, вежливо ответил:

– Да посмотрел, отец. Посмотрел...

– Как она, прошмандовка-то эта черномазая: мы, мол, поможем вам с порядком-то... – Деду явно хотелось зацепиться языком за молодежь и обсудить новости.

– До этого я недосмотрел, отец. Че, там еще и черномазые нам порядок наводить собрались?

– А как же. Дожили, абиззяны бесхвостыи нас жизни учуть... Помереть спокойно не дадут, то им комунизм, то перестройка, то еще какая хуетень, а теперь, вишь, мартышки энти ишо на нашу голову, ладно хучь, не немчура, у меня отец в окупацыи был – рассказывал, что не сахар было под немцем-та... Э-эх, сынок. Мне-то по хую, я уж последни деньки доживаю – бабку-то аккурат в крызис схоронил, второй десяток лет кукую, а как вам-то, ишо жизни не видели – ан вот, окупацыя, да ишо абиззяны...

– Ладно, отец, не расстраивайся так.

Старика, видимо, крепко взъебло увиденное в телевизоре, – уходя, Ахметзянов еще метров двадцать слышал, как тот по инерции что-то бормочет про «абиззян», уставившись сле-

заящимися глазами в пустоту. Придя в себя, Ахметзянов вернулся домой. Жену увиденное не слишком-то и задело – ей даже удалось увидеть в ситуации что-то смешное.

– А Любка, представь! ты ушел, мне аж послушать не давала, возмущалась, «мужикам один футбол» – а сама! Ладно, если хоть слово поняла! Ей вполне хватило, что вона как с нашими-то уважительно. Выступил этот наш мордатый перевертыш, за ним опять эта сучка американская, на вопросы отвечает, а Любку аж трусит – когда «про воду и свет объявляют», да еще изволила покритиковать блузку переводчицы – «сроду ба такую не вздела», представляешь?

Ахмет удивленно воззрился на жену:

– Ну даешь, мать. Да ты сама как эта Любка твоя. Одна дура блузку «не вздела ба», вторая смеется, что та «не вздела», – при этом обе смотрят по ящику объявление про оккупацию своей страны. Сюр какой-то...

Жена враз поскучнела, и Ахметзянов тут же раскаялся – пусть бы лучше смеялась, дальше поводов для смеха будет куда меньше.

На четвертый день Этого, вернее, ночь Ахметзянов взломал аптечный склад горбольницы и вытащил на горбу несколько коробов с медикаментами. Справедливо рассудив, что в наступающем невеселом будущем медицина станет несколько проще, он не брал ничего непонятного – предпочтение отдавалось средствам, назначение которых было общеизвестно. Редко болевший, он знал только некоторые антибиотики и болеутоляющие. Поразмыслив, добавил шприцы да всякой дряни типа банок и градусников. По ходу вспомнилось еще немного: от поноса, от горла, но разобраться в изобилии он все же не мог и оставил, таким образом, немало ценного. Но все это выяснилось спустя немалое время – в ту ночь особо раздумывать было некогда. Набивая пару коробов, Ахмет волоком отгаскивал добычу к заранее подготовленной нычке – стоящей без тока трансформаторной подстанции у клиники ФИБа. Таскать было не тяжело, но Ахмета здорово колотило от волнения, и он потерял непозволительно много времени на замиранья с прислушиваниями, броски в кусты и переживания примерещившихся тревог. Сделать удалось лишь шесть ходок – летняя ночь коротка, вскоре небо засерело, и Ахмет не рискнул продолжать свое малопочтенное занятие в рассветных сумерках. Сделав дурацкий крюк с целью «заметания следов», новоявленный мародер вернулся домой. Наутро перепуганная жена растолкала Ахмета – почти под их окнами грозно шумела толпа. Посеревший от ужаса Ахмет на подламывающихся ногах подкрался к занавешенному окну. Спросонья он уже был готов каяться в расхищении народного добра, но, прислушавшись, с немалым облегчением выяснил – толпа бурно сомневалась в нерушимости частной собственности на предметы первой необходимости. Облегченно гогоча, Ахметзянов растаял, и в голове начали жестко раздаваться команды Нового: *...Ага, сейчас хлебный разбомбят. Надо поторопиться. Стекло. Куртку надо... И сумку, нет, мешок. Быстро вывалить и вернуться. Интересно, менты сразу стрелять будут?..* Тело уже само выворачивало на пол сумку со всяким барахлом, натягивало плотную куртку, одновременно инструктируя жену:

– Так, короче, мне мешок найди. Я сейчас вернусь, стой у двери. Откроешь только на мой стук, я захожу – ты сразу же закрываешь.

Спустился через три ступеньки, как в детстве, прохлада подъезда резко сменилась облепляющей, влажной жарой. *... Ух, денек какой жаркий наклевывается. Ничего, лекарствам ниче не будет, в будке прохладно. Так, забуриваемся в толпу... Дверь нам на фиг не нужна, мы к окошку поближе. Лишь бы лекарства не нашли. Да ладно, че грузиться – найдут, значит, найдут. А пока здесь бы не лохануться. Ишь ты, как бабки-то разволновались. Фу, блин, воняет-то как от них. Над прибывающей толпой висел шмелиный гул, все чаще прорезаемый противными взвизгами бабок. Едва ли не все старухи, словно сговорившись, держали в руках деньги. Держали эдак напоказ – мол, мы пришли покупать, за деньги, как положено. ... У-у, с-с-суки старые. Все, что сейчас будет, именно они устроили. И что характерно – стоят как*

ангелочки, чирики показывают. Типа мы приличные, мимо проходили. Толпа на самом деле полностью управлялась бабками. Прислушавшись, в шуме можно было уловить некий нечеловеческий ритм; ему подчинялось все, начиная с перетоптыванья и кончая тональностью отдельных выкриков. Ахмет с неуместным, но все возрастающим интересом наблюдал образование из всех присутствующих женщин, начиная где-то с сорока – пятидесяти лет, некоего сверхорганизма, неявно, но жестко и целесообразно управляющего каждым своим элементом. ... *Бля, да это просто рой какой-то.* Этот сверхорганизм явно себя не проявлял, однако каким-то загадочным образом всякий, стоящий перед хлебным, четко знал: мы пришли за едой. И мы ее возьмем и унесем к себе домой. И нам без разницы, как это произойдет. Стоящих на самом крыльце уже помаленьку начинали поддавливать, те отпихивались, все громче и злее матерясь, добавляли толпе градуса. Краем глаза отметил нескольких таких же, как он сам, молчаливо стоящих в стороне, с мешками. ... *Ага. Конкуренция, бля. Эти – мясо. Этот тоже, что какое-то. А вот с этим лучше не пересекаться. Ладно, значит, и не будем, спасибо за предупреждение. Хорошо, что он один.* В мозгу тут же щелкнуло реле: *Одному не надо. Надо бы коллективчик какой ни то...* – сформулировалось, провалилось в темную воду долговременной памяти. Толпа готовилась – до начала оставались считанные минуты: нужен был повод, и поводом послужит малейшая затяжка с открытием – время открытия, девять часов, неумолимо приближалось. Ахмет заметил мелькнувший в темной глубине за стеклом розовый фирменный халат, мельком подумал о продавщицах – *хоть бы не тупили и смылись вовремя. Разорвут ведь, запросто...* Впрочем, это он перегнул – время рвать еще не пришло, шел всего-навсего четвертый день Пиздеца. ... *Как странно. Еще позавчера пиво здесь покупал. Девки, выметались бы вы скорее...* Он постоянно заходил в этот магазин, его здесь хорошо знали, и он знал всех. С ним всегда здесь здоровались. ... *А теперь я иду их грабить. Пусть товар хозяйина – хотя и его я прекрасно знаю и тоже здороваюсь, – но сейчас я иду грабить именно их. Кстати, по вопросу методики собственно грабежа...* Ахмет внимательно осмотрел окно, рядом с которым выбрал исходную позицию. ... *Восьмерка, где-то полтора на два. Когда расхучат, мало не покажется. Оптимальным будет отодвинуться от окна, вернее, от будущих осколков, малость подальше.* Ахмет заворочался в толпе, пропуская вперед особо рьяных экспроприаторов, тут же рванувшихся в наметившуюся щель. ... *Когда разобьют, через сумку быстренько выбить остатки в нижней раме, только крупные; на мелочь сверху сумку – не должно прорезать, забрасываю правое колено – и рывок. В зале не задерживаюсь, бегом в подсобку – и сразу закрываюсь. Там грузжусь, и через заднюю дверь домой. Бросаю сумку – только бы баба мешок подготовила! – и сразу обратно. Может, даже еще раз успею...* План настолько понравился Ахмету, что он невольно расплылся в широкой улыбке. До него, увлекшегося сценариями и планами, не сразу дошло, что гул толпы сменился криком, на крыльце уже стонало под невесть откуда взявшейся монтажкой тонкое железо дверей, кто-то совсем рядом надсадно орал: «Давай ее сюда!!! Поверху! Передавайте, передавайте!» – и над толпой, послушная этим хриплым заклинаниям, рывками плыла самая обыкновенная швабра, перемотанная местами синей изолентой. Достигнув невидимого Ахмету заклинателя, швабра сперва откинулась назад, угодив сразу по нескольким с комичным единообразием ойкнувшим головам, затем, ускоряясь, описала дугу – и с беспомощным глухим бум-м-мом споткнулась об надменную витрину, аккуратно между «всегда» и «свежий».

– Дай сюда, безрукий! Дай, тебе говорю!

Симпатичная баба протиснулась в первый ряд, вырвала инструмент у незаметного мужичка, видимо мужа. Ахмет оценил крепко закушенную губу, взгляд с грозно-радостной безуминкой, как в документальных фильмах про освоение целины комсомолками. ... *О, вот теперь дело в надежных руках. Как там у классиков: коня на скаку, витрину с первого раза... О-о-он!!! И впрямь с первого раза...* Звон стекла сменился коротким жутким хрустом распаиваемых тканей, криком раненых; толпа охнула – и замерла. Как и предвидел, огромные

сабли осколков рубанули по прижатым к самому окну. Пользуясь возникшим замешательством, Ахмет мгновенно протиснулся между неподвижным телом дедка в засаленной бейсболке, еще минуту назад такого неугомонного, и воющей бабой, бесполезно зажимающей длинную рану от локтя до шеи. Память равнодушно вобрала в себя фрагменты – стремительно пропитываемое темной кровью платье, грудь, кольшущуюся под мокрой тканью как-то не в такт с остальным телом, – *...надо же, титьку-то почти отхватило...* Действуя по плану, взлетел на подоконник, удачно перевалился внутрь. Под ногой хряснуло стекло морозильного ларя из-под пельменей... Не останавливаться, в подсобку... За спиной, в торговом зале, грохнула, распахнувшись наконец, входная дверь. *Ага, вот и с дверью справились.* Магазинчик на удивление быстро заполнялся «покупателями», не замедлившими сразу же начать грызться между собой. *...Вот и подсобка. Так, быстро. Эх, задвижки нет! Где тушенка? Вот. Прекрасно. Нет, рассыпной потом. Ага, коробка целая. Ее возьму отдельно, интересно, ремни выдержат? Сгущенка, отлично. Че еще? Блядь, одна хуета! Где крупы, суки?! Так, а почему я копченой не вижу? Че там в холодильнике... Фу, бля, пиво сраное...* Забив сумку банками сгущенки, Ахмет зацепил перетянутую пластиковыми полосками тяжеленную коробку тушняка и ринулся в темный коридор к служебному выходу. Из торгового зала дверь в подсобку уже сотрясали удары. В темноте со всего разгона затормозил обо что-то мягкое. Мягкое ойкнуло, Ахмет, еле удерживающий груз, злобно рыкнул:

– Быстрей отсюда! Они щас будут здесь!

На самом деле он, конечно, нимало не подозревал грабящий магазин народ в кровожадности, но зачем терять время на возню с запорами. Тетка лихорадочно зазвенела ключами, и через мгновение по глазам ударил свет – утро Дня Четвертого народилось солнечным.

Разгрузившись, Ахмет вновь ринулся в хлебный. В подсобке гудело, толкалось, орало людское месиво; только на то, чтоб пробиться в помещение, ушло не меньше минут пяти жесткой толкотни. О каком-то подобии выбора речи уже не шло, сметали все подчистую. В каждый предмет вцеплялось по несколько рук, люди рычали друг на друга, уже без слов; тут же вырывали набитые сумки, стеллажи угрожающе раскачивались, под ногами хрустело и чавкало. *...Пиздец. Ловить уже нечего. Суки, как быстро растащили!..* Холодная, уверенная злоба мощным разрядом пронизала Ахмета. Вдруг задняя поверхность ног почувала большую толстую сумку, от сумки было ПРАВИЛЬНОЕ ощущение, тяжесть. *...Бля! Консервы и что-то сыпучее внизу!* Одновременно его довольно сильно пихнул хозяин груза. Ахмета почему-то взъебло. Честно говоря, в голове его уже выстраивался план мероприятий по переделу собственности, плотная тяжесть сумки покорила его – и отпустить СВОЕ было уже невозможно; для решительных действий требовалось немного накрутить себя – и этот процесс уже шел; а вот гляди ж ты – взъебло, да по-настоящему так! В тычке мужика явственно читалось пренебрежение к Ахмету, причем НЕПОЛОЖЕННОЕ ему – мужик был типичным пивным животным, пусть и здоровенным, – пренебрежение на ровном месте, тупое и самоуверенное. Он взял свое, сложил и несет, а тут всякие мешают еще! Нуканахуйсдороги! *Щас, родной. Щ-щас я тебе помогу.* Ахметзянов, съживившись где-то в далеком, безопасном отдалении от рычагов управления, с испуганным удивлением наблюдал за тем, как орудует их общим телом Новый. Его, Нового, быстрые, уверенные и какие-то хищные мысли не предшествовали действиям – они составляли с движением единое целое. Новый как-то ЧУВСТВОВАЛ все вокруг, и его действия основывались на чувстве, минуя стадию рассуждений и рефлексии, всегда имевшей для Ахметзянова наибольшее значение. Вот Новый придумал, как все будет, – а вот уже и все. Все уже произошло – мужик, с трудом преодолевая встречное течение, обернулся к сумке, выдергивая ее из плотной массы народа. Ахмет тут же серией сокрушительных толчков освободил перед мужиком небольшое пространство. *Р-р-р-раз! Два! Ну! Давай, родной!* Мужик сноровисто воспользовался образовавшейся щелью и двинул свою торбу вперед, снова наподдав ему по пояснице. *Ага, есть! Три-чет-т-тыре.* Правая кисть стремительно и мягко сжала толстые ремни ручек,

а левый локоть, поддержанный легким полуоборотом назад, расплющил мужику носо-губную область. ... Ух, тяжеленная какая. Деловуций-то даже хрюкнуть не успел. Отдохни пока, потом зайдеешь. Не оборачиваясь, даванул толпу вперед. Немного застряв на выходе, незаметно ткнул под колено шпаненка с полным пакетом сигаретных пачек – так, для закрепления навыка действий в толпе. ... Э, детдомовский. Шустрые они, наплачемся мы еще от такого соседства. Ловко перехватил пакет у вопящего юного мародера, тотчас скрывшегося под ногами граждан, ломящихся в обоих направлениях. ... На хлебном они не останоятся. Ахмет, взбегая по лестнице, перебирал окрестные магазины. Сейчас разгрузиться – и надо смотаться взглянуть, как там Власенки лавочка на Набережной. Этот ушлый хмырь, из подвальчика рядом с хлебным, вывез все, успел. Только бы этих баранов на универмаг не понесло, продукты главное... Двадцать пятый они по-любому будут бомбить не сейчас. Пока по хатам растащат, отдыхатся, тудым-сюдым... Ха, «они»! Мы, чего уж там...

– Мешок нашла?

– Ты бы помог мне здесь, что ли!

– Какой, на хрен, помог! Занимайся давай!

У большого двадцать пятого продуктового еще только кучковались мелкие группки. Еще не скоро. Пока дотащат, вернутся, разогреются... Здесь еще минут двадцать, – оценил ситуацию, несясь вниз по улице. – Если здесь сразу начнут, успею еще и туда. Власенкина лавочка, как и ожидалось, уже едва виднелась из-за облепившего ее роя. Но выглядело все как-то странно: меж толпой и полуподвалом оставалось весьма почтительное расстояние. Подбежав поближе и перейдя на шаг, Ахмет с неприятным удивлением обнаружил, что у подъезда синяя тентованная «Газель» стоит отнюдь не просто так. Ее споро грузили какие-то здоровые парни, а толпу на расстоянии держали внушительные дробовики Власенки и еще одного, столь же серьезно выглядевшего мужика. Шум над толпой висел уже несколько иной тональности; уверенности, как у хлебного, не было и в помине. Да. Два уверенных пацана с дробовиками – и полтора ста рыл тут же вспомнили о цивилизации. Однако молодец Власенко. Ахмет развернулся и побрел назад, к двадцать пятому. Попадаться Власенке на глаза с мешком за плечами не хотелось: они давным-давно знали друг друга. Тем более что у двадцать пятого уже, похоже, начиналось...

День этот, самый долгий из всех дней его предшествующей жизни, закончился часам к четырем. Сил больше не было; втащив по ступенькам волоком последний короб, потный Ахмет сполз по закрытой двери на затоптанный пол прихожей. Жена, помня его бешенство по поводу малейших задержек во время разгрузок, предпочла на глаза не попадаться – отперев, сразу же вернулась в комнату разбирать добычу. Блин, совсем зашугал бедную бабу. Истыканное локтями сограждан тело потихоньку освобождалось от адреналиновой узды, выпущенной, наконец, неумолимым и алчным Новым. Во как... Антиресные дела, товарищ Ахметзянов... Это сколько мы сегодня с вами перетаскали? Надо у бабу спросить. Позвал жену. Попить еще, да сигаретку...

– Воды кружку налей да сигаретку прихвати. Че-то встать не могу.

– Забыл? Воду вчера допили. Вот тебе чай холодный.

– Хоть так... Ух, хорошо...

Жена присела на последний короб, по-деревенски сложив руки на коленях. Стерла пот с ахметзяновского лба.

– Умаялся? Мокрый, как мышь...

– Да нормально. Руки только трясутся. Ха, как кур воровал.

– Как там, не убили никого? А то шум такой стоял, я в кладовку закрылась, думаю, ну как ворвутся... Трусиха я, да? И женщина страшно так кричала, у меня аж мурашки... Ее что – били там, что ли? Тебе-то не досталось? И милиция. Ты видел – милиция приезжала? Нет?

Они вон там остановились, где остановка. Я думала, сейчас вас разгонят всех, смотрела – где ты там...

– Когда приехали? До того, как я первый раз пришел?

– Нет, когда ты уже второй раз ушел. Минут десять прошло, я как раз окно затыкала, как ты велел, смотрю – приехали, еще парни разбежались, как их увидели, вот тут на углу стояли, с сумками. А они постояли и уехали, я еще подумала...

– Ладно, нечего думать. Давай майку чистую да штаны. Я пока отдохну малехо, щас еще сходить надо будет.

Скинув насквозь пропотевшие тряпки, Ахмет устроился на диване командовать разбором добычи, занявшей весь пол в единственной комнате. *Да, маловато в однушке места. Надо тридцать четвертую будет приватизировать.* Проснулся под вечер, вполне адекватно отругал жену: не разбудила. Вышел посмотреть – как там универмаг, вдруг день еще не завершен... Возле универмага стояли кучки народа, но какие-то не ТАКИЕ. Бесперспективные. Ради спортивного интереса подошел, поглядел, что творится. Оказалось, охранная контора запускает торговцев забирать из отделов товар. ... *Че там на спинах написано, ну-ка ну-ка... Ага, точно, «Редут».* Ахмет хорошо знал хозяина этого агентства, бывшего офицера. ... *Ну, Маринин всегда отличался порядочностью, не удивлен. Так же не удивлюсь спецовкам «Кристалла» и «Дефендера» в первых рядах погромщиков: гнилое к гнилому, здоровое к здоровому. Ну что ж, универмаг из списка вычеркиваем, а жаль. Много там полезного... Ну, что нам остается? Как проведем остаток вечера, товарищ Ахметзянов? Вообще-то, надо бы лом поискать... Простая вещь – лом, их везде как грязи. Ага, щас. Интересно, везде – это где конкретно?* Ахметзянов стоял у ДК химзавода, задумчиво потирая репу. Ладно, щас закурим да пройдемся, авось чего надумается...

...Интересно, почему бы это? Не успели еще одичать, что ли? Да нет, с законопослушностью все нормально уже, продуктовые-то вон как быстро разнесли. Двинулся в сторону ЖЭКа, по ассоциации: дворники, метлы... Ломы. У почтамта стояло где-то с десятков хмурых мужиков среднего возраста, некоторые были смутно знакомы, – видимо, живут совсем рядом, успели примелькаться. Одного даже видел у хлебного. Подошел, покурили. Ничего нового узнать не удалось – мужиков несло на патриотические темы, а что заводоуправление на казарменном положении, кагэбейка¹⁸ – ну так это и раньше знал. И что свет у них есть – чего удивительного, в таких заведениях генераторы положено иметь. Гаражи бомбят, владельцы их ночью охранять ходят – тоже понятно, как же иначе. Там и тачки, и бензин, и ларечники товар хранят. *О! А не наведаться ли мне к нашему табачному олигарху? А то разбомбят его, и че я курить буду? Писю? Нетушки. Надо быстрее, может, хоть пару блоков удастся урвать. Что-то кажется мне, что курево еще не скоро в продаже появится, а гараж его удобно так стоит, на отшибе... Блин, опять-таки лом или еще что в этом роде надо! Не, сначала в ЖЭК. ЖЭК полностью оправдал ожидания – в столярной мастерской на первом этаже нашлось все. МТС, бля, Джинс – все и сразу! Хорошо, что первым сюда попал, – радовался Ахмет, рысью возвращаясь с сумкой к высаженной двери ЖЭКа. А вот без сумки из дому больше ни ногой.* Тщательно обшарил мастерскую, собрал все ценное: инструмент, гвозди, почти новую телогрейку, пачку чая и начатую коробку рафинада. Особенно порадовал гвоздодер – с таким обычно рисовали на карикатурах взломщиков. *И эту симпатичную штучку тоже надо бы всегда при себе держать.* Насилу допер трофеи до дому, вернулся – а ЖЭК уже кишел народом. В окнах мелькали багровые сполохи, народ подсвечивал себе бумагой. *Ну и хрен с ним, не больно и хотелось. Насколько помню, на втором делать нечего. Продолжайте, товарищи; вы*

¹⁸ Управления некоторых оборонных предприятий, равно как и силовые структуры, при исполнении мобплана по ЧС ограничивают передвижение своих сотрудников. Применение устаревшего названия спецслужбы обусловлено местными особенностями разговорного русского.

идете верной дорогой. Вас ждут мощные и надежные первые пентциумы, папки со списками должников по квартплате и прекрасные фикусы в настоящих горшках. А мы пока движем к ЗЭМу. О! Чуть не забыл! Тележка-то, за водой ходить! Пришлось вернуться еще раз, отогнать домой дворницкую тачку из сарая.

Бредя по вечерней Тридцатке, Ахмет не узнавал свой город. Не в смысле темных окон – к этому он почему-то очень быстро успел привыкнуть, – дело было совсем в другом. По городу пошла движуха – народ потихоньку начал экспроприировать, сдуру мели все, что под руку попадалось. *...Днем, видимо, бомбить стесняются. Пока еще. Ничего, это ненадолго, магазины разбомбили – и никому ниче не было. Сейчас осознают, и начне-е-ется.* Добравшись наконец до заветного гаража, Ахмет насмотрелся такого, что в нетронутость гаража с табаком не верил уже совершенно. Однако тот стоял, белея в сгустившихся сумерках жестяной номера. Поковырявшись новым гвоздодером, Ахмет убедился в бесполезности дилетантского подхода. Нет, все же с Новым было куда лучше – прежний Ахметзянов потоптался бы перед насмешливо молчащими воротами и поплелся бы восвояси. А у Нового пошел совсем иной колленкор: «Не хочешь? Да без проблем! Поставь-ка здесь минутку...» Правда, с минуткой погорячился – замеченный перед проходной ЗЭМа грузовик оказался слитым досуха. Так что пока нашлись сиська из-под пива и донорский автомобиль, прошло около часа. На поиск и доставку троса еще час; хорошо, что рядом, во дворе Энергопрома, стоял автокран. И вот, «я снова здесь, я в бархатных штанах...», у гаража затормозил мстительно ухмыляющийся Ахмет на грозно рычащем танке модели ЗИЛ-131. Дернул ворота – и малость обомлел. В гараже было чуть больше, чем пара блоков. Забил все – и будку, и даже кабину, добрался до дому без происшествий, с небольшим крючком, заодно забрав лекарства. *...Странно, почему их никто не нашел? Аптекой от будки на километр воняло... Блин, да че это я? Удача прет, а я еще сижу умничаю! Не нашли – значит, не судьба. Я вот нашел – значит, опять же судьба.* Сдал жопой впритык к окну в комнату, забежал, вытащил нераспашные средние рамы. Убегая обратно на улицу, крикнул жене, перепугавшейся лезущего в окно грузовика:

– А теперь – быстро! Если кто заметит, нас с тобой завтра зарежут к ебене матери! От окна откидывай!

Но быстро не получилось – заканчивая, Ахмет замечал краем глаза вздрагивающие шторы и в своем, и в соседнем доме. *...У, суки, просекли. Лишь бы не дошло, что притащил. Тогда пиздец без вариантов. Все, последняя. Так, «зиллок» еще. Куда бы его... А! Вот и мостки получатся, теперь не у берега мутную хрень набирать... Загнав ЗИЛ в воду, вернулся – жить уже было просто негде, квартира забита полностью. А как воняло... Смешанный едкий дух табака и медикаментов выжил супругов из комнаты, и спать пришлось на кухне, с открытой форточкой и собранным ружьем.*

Привезя тогда домой табак, Ахмет привез не только свой счастливый билет, как выяснилось позже, но и страх. Даже не страх, а Страх. Оказалось, что раньше он и понятия не имел, как можно так бояться – постоянно, не расслабляясь ни на минуту. Каждый шум во дворе бил его под дых, внутри все окатывало жгучей ледяной волной; просидев в обнимку со своим «ижаком» весь следующий день, к ночи взял-таки себя в руки.

...Не, херня все это. Придут, ствол наставят – и че? Дома держать все это – лажа. Надо б нычку соорудить... Ахмет нимало не сомневался, что и придут, и наставят. Вопрос времени. ...И чтоб баба не знала. А то бабу расколоть – говно вопрос. Так, буду приносить по чуть-чуть... Казалось бы, пустячный вопрос выростал по мере обдумывания в нешуточную проблему. И впрямь – как можно спрятать немалый объем лекарств, табака и продуктов, чтоб и условия подходили, и не примелькаться кому не надо, не подставить запас какому-нибудь ушлому гаду?.. По всему выходило, что нычку надо делать рядом с жильем, иначе шансы воспользоваться ею самому превращались в абстракцию. ...Тады так. Пробить пол в подвал и весь отсек под нашим подъездом отрезать от входа. Этим решатся почти все геморрои. Ага,

а какие тогда предвидятся? Первое, да и главное. Соседи. Тридцать четвертая отпадает, ее сдавали, пустая стоит. Надо, кстати, подождать, и, если че, стену в нее сломать – с БТИ уже не придут, хе-хе... Так, тридцать пятая... Хохол наверняка ломанется к своим в Хохляндию. С одной стороны, жаль, вдвоем отмахиваться легче, мужик он нормальный вроде. Для хохла, есно. С другой – сало скоро будет дефицитом, а оно хохлам подороже семейника; опять же – двое пацанок у него. Вот и думай... Не, все к лучшему. Если уехал...

– Спишь, нет?

– Уснешь тут. Вонючка такая, да еще ты куришь все время.

– Ты Любкиного когда видала последний раз? И вообще, видно их последнее время?

– Не, че-то как все это началось, так и не видно. А че тебе с нее надо?

– Ты это, как увидишь – поговори там, туда-сюда, ну че они делать-то собираются, и вообще. Поняла?

– Так, может, я зайду просто?

– Не, специально не ходи, лучше при случае. А эта, ебнутая бабка-то, напротив?

– Нина Егоровна? Она сказала уже, что к дочке уйдет. Мы с ней разговаривали. Дочь же ты знаешь ее, зять еще на белой иномарке, приезжают-то к ней?

– А, «Ниссан» этот белый, под кухонным окном нашим ставит все время?

– Ну да, они на ДОКе¹⁹ где-то живут, на Матросова, что ли. Мальчишка ихний в армии, вдвоем остались. Хорошо, Егоровне хоть есть где...

– Ладно, не трещи, тебя не переслушаешь. Спи давай.

Выше жили синяки, вся площадка второго, на третьем – один мужик с семьей нормальный, Витек, остальные тоже не разбери-поймешь. То ли синие, то ли нарики какие. Четвертый – семья приличная тоже одна, на зеленой старой двенашке ездят, две хаты сдаются, и еще одна – там вообще непонятно кто. ...*Ну, в принципе, никто особой угрозы не представляет. Витек разве с третьего – но нам именно с ним и надо кучковаться. Да, с ним, сам Бог велел. Алкашня если рыло подымет – я их заземлю влежку. Да чего там – выгоню на хер, и весь базар. Хотя их так и так выгонять, не хуй здесь...*

Раздумья о соседях привели его к ряду интересных выводов, надо сказать, впоследствии полностью подтвердившихся. Во-первых, соседей иметь не стоит. Ничем, кроме неприятностей, это не грозит. Если б он не успел затариться в первые дни неразберихи, то взаимодействие с окружающими было бы единственным способом как-то прожить, однако в его ситуации куда разумней было сохранять дистанцию. Во-вторых, отсутствие соседей сейчас еще неактуально. Ахмет совершенно справедливо предполагал, что люди без власти жить не могут и обязательно найдутся умники, желающие извлечь из этого выгоду, на выходе в таких случаях обычно получается махновщина и беспредел. Не питая иллюзий по поводу рода людского, он представлял себе, чем и как занимаются голодные и, главное, почувывшие безнаказанность люди, собравшиеся в стаю. ...*Одному пока жить не стоит, обязательно должна быть толпа, в которой можно затеряться: сейчас должно начаться время, когда все легкие на подъем, агрессивные и подвижные будут мочить друг друга. Это время надо тихо-тихо пересидеть, чем незаметнее – тем больше шансов. Если привяжутся – отмахаться не получится, что такое мой «ижак» против десятка. Да у них наверняка будет и что-нибудь посуворее. Не, пускать и отдавать все, что на тот момент будет в хате, и еще не вякать при этом. Вот потом, когда они друга переколбасят, – тогда и посмотрим. А пока – тариться всем, что еще плохо лежит.*

К вечеру во дворе увязывалось уже машин двадцать. Уложившись, многие остались охранять свое добро – с темнотой появился один костер, потом сразу несколько. Выглядело это как-то постепенному диковато: среди ночи посреди городского квартала мечутся по трепещущим баг-

¹⁹ ДОК – район Тридцатки.

ровым стенам домов длинные тени, звенит посуда, бегают визжащие дети – цыганский табор, да и только. Именно эти костры посередь двора окончательно, на уровне ощущений, убедили Ахметзянова, что городскому, и даже шире – цивилизованному образу жизни пришел конец.

Естественно, уснуть не удалось: когда бесившихся детей наконец загнали спать, начались пьяные вопли – некоторым захотелось отметить крушение жизненного уклада. Нажравшись «беженцы» передали эстафету моторам, некоторые машины завелись еще затемно. Перед рассветом Ахмет понял – поспать не дадут, и отправился к одному из трех городских КПП, обращенному в сторону городка Хасли – там, по слухам, копилась толпа желающих стать «беженцами». Он не пытался четко сформулировать, что же именно идет выяснять: оценить ли количество покидающих Тридцатку или, может, посмотреть на то, как будут вести себя военные, – его гнало вперед желание, что называется, «быть в курсе».

Вереница машин, просевших под навьюченными тюками, началась еще до шестнадцатой фазанки²⁰. Сначала в два ряда, затем вся дорога превращалась в хаотичное скопище автомобилей. В самом хвосте очереди никто не выходил, а вот чем дальше – тем больше народу, отсидев задницу, выходило и толклось между машинами. Многим приперли двери соседние машины, и люди ругались. Ахмету не понравилось, как ругаются, – у некоторых в интонациях отчетливо слышалась не обычная для травоядных горожан нахрапистость, уверенность, что за базар никто не подтянет, а тихое, опасное шипение готовности к убийству. Добравшись до разнесенного магазина между заправкой и последними домами, Ахмет накинул капюшон надетой им молодежной курточки, отчего-то прозванной в честь зеркала русской революции. Ему не хотелось узнаваний, разговоров и прочих помех; как давно было им подмечено, больше всего можно понять, когда безмолвно скользишь между людьми, изгнав из головы мысли и превратившись в губку, отрешенно впитывающую все подряд. Такой губкой он успешно добрался до площадки перед самым КПП, где бурлило настоящее море с островами пожитков на крышах автомобилей. Над толкучкой висело почти видимое облако нетерпения, гомона множества голосов, изредка прорезаемого истеричными взвизгами ссорящихся баб, страха, дыма костров; порой ветер доносил смрад от импровизированных полевых сортиров за рекламными щитами и в редких кустах поодаль. Видимо, толпа у КПП копилась со вчерашнего вечера, пытающиеся уехать жили прямо в машинах, ожидая открытия ворот.

Ахметзянов избрал в качестве НП²¹ самое близкое к КПП строение – разграбленный павильончик, отделенный от забитой машинами площадки жидким рядом пыльных тополей. Дети уже успели капитально его засрать, и Ахметзянову с трудом удалось пробраться к разломанному на дрова стеллажу в глубине торгового зала. Выдернув из-под кучи хлама яркий пластиковый ящик, Ахмет забросил его на крышу павильончика, влез сам и довольно удобно устроился. Одно неудобство – через некоторое время за павильончик обильно потянулись на opravку граждане, и снизу-сзади поминутно доносилось то журчание, то пердеж. ...*Ох, и амбре тут будет к обеду. Хотя, скорее всего, к обеду будет дождь – он как парит с утра самого. Интересно, и чего их не пускают? Кому они нужны?..* Размышления прервал оклик снизу:

– О, Ахметзянов! Ты че здесь?

– Здорово, во-первых, – чертыхнувшись про себя, хмуро ответил Ахметзянов. – Че, если конец света, то все – вежливость отменили? Можно старшим хамить, салабон? – Они с окликнувшим довольно давно вместе работали на химзаводе. Удивительно, но принятый в их бригаде тон подьбочек мгновенно нашелся, распаковался, установился и безотказно заработал – как и не было двадцати прошедших лет.

– Ну простите. Здравия желаю, товарищи татарской гвардии обозный ишак Ахметзян-бабай-оглы!

²⁰ Фазанка – профессионально-техническое училище.

²¹ НП – наблюдательный пункт.

– Вольно, невежа. За ишака – три наряда. В сортире.

– Не, а че ты там делаешь? Че залез-то туда? Курить есть у тебя?

– Валек, ты сам не видишь? Сижу, парад отдельного дезертирского батальона принимаю. Курить есть, но особо не рассчитывай.

– Бля, хорошо, а то у меня уже уши завернулись. Я к тебе щас залезу.

– И на ящик не пущу, сидеть сам че-нибудь смекай.

Снизу послышалось сопенье, и через минуту на крышу вылез Валек – бывший бригадник Ахметзянова.

– Ты сам-то че, далеко собрался? – спросил Ахметзянов, протягивая пачку.

– Да куда уже не собрался. Все, на хуй. Щас этих выпустят, развернуться можно будет – и поеду-ка я обратно. Пошли они на хуй все, шмары тупорогие! – Было видно, что Валек в процессе отходняка после мощного стресса. – Прикинь, как эти черножопые по ящику объявили, так что теща, что моя дура – все, с катушек съехали полностью. «Мы тут подохнем все!», «Надо что-то делать!» – пиздец полный, кругами бегают, кудахчут, тества за вечер до того заебли, что мужик пошел и нажрался, а он ведь не пьет. А я, дурак, с ними остался, и мы собира-а-ались. – Валек так смачно это произнес, что у Ахметзянова мгновенно вылезла перед глазами картинка этих сборов, аж слегка передернуло от сострадания. – Я думал, к вечеру придушу обеих. Намылились ехать к ихним родственникам каким-то, в Самару...

– А с чего они так уверены, что доедут? – перебил Ахметзянов. – Далеко же.

– А хули нам далеко! Мы же как привыкли: жопы свои в машину затащили, скомандовали, по дороге мозги поебли – и все, приехавши! Мы уже планов настроили, как я говно вожу и поливаю, тесть продает, а мама с дочей своей солнечные ванны принимают. У-у, суки, столько лет терпел этих дур охувших! И че, спрашивается, терпел?! «Валя, ну почему ты так плохо учил английский?! Как ты собираешься теперь содержать семью?»

– Какое говно, Валек? Ты о чем ваще?

– Как какое? Мы же фермерствовать собрались, понял? – заржал дурниной бывший член ячейки общества. – Экологические овощи выращивать, понял? «На Западе люди ценят натуральное...» Там у родственников ихних вроде как дом под Самарой, типа, хозяйство держат, уток разводят или еще кого, и их, типа, там ждут не дождутся. Слушай, дай еще цыгарку, че-то не накурился.

– Держи. А они че, им позвонить успели, пока связь была?

– Да на хуя! Это Ихнее Превосходительство будет еще сумлеваться – а примете ли меня, родственнички дорогие? У-у, Ахмет, это ты просто отсталый от жизни человек. Да чтоб сама Галина Александровна у кого-то о чем-то спрашивалась! Ты прикинь, она такая, садилась когда в машину, заявила, типа, там у самарских кто-то «разболтался и не ценит», типа, что она придет и выстроит, «при мне-то будет как шелковый», нормально?!

– Да-а-а... Повезло тебе с родственничками, братан. А теперь, значит, и ты туда же – разболтался и не ценишь?

– Ага! – удовлетворенно, но еще несколько нервно хохотнул Валек. – Не оправдал, ептыть, высокого доверия. Блин, Ахметзяныч, ты бы ихние рожи видел! Сюда когда подъехали, эта сука меня доебала уже, я еще на свою смотрю – ехайдэ! А рожа-то у нее – как мамочкина стала! Тоже так же вылупилась и смотрит как прокурор. Я на своей «буханке»²² первый встал, и мы с Василичем, тестем, вышли покурить, а эти обе у Василича в салоне сидят и умничают. И раз, эта дура такая – метнись, мол, зятек, узнай, когда там пускать будут. Я ей вежливо сначала – когда пустят, типа, тогда и пустят; кто мне там докладывать будет? А эта сучара давай кочевряжиться, строить меня, прикинь? Ну, у меня сначала как обычно – стою, молчу, только злоба такая подымается, грузусь, короче... А потом как по башке ударило – я как, типа, не

²² «Буханка» – народное название микроавтобуса на базе УАЗа, УАЗ-452. Еще его называют «санитаркой».

узнаю ниче вокруг – ну, знаешь, как с бодуна бывает, когда только проснешься и не знаешь, ни где ты, ни че ты. Зянов, дай-ка еще.

– Заебал ты, на; дальше свои ищи.

– Жмот был, жмот и остался. Вот, и со мной такая же хрень, только быстро как-то. И я такой уже стою, улыбаюсь, и меня весь этот ор ващце не колышет. А там уже и моя подпрыгнет: «Че ты, типа, маму доводишь, че тебе, трудно, что ли», сраная мамина доча. И прикинь – мне все ихние ужимки – по хую! Я смотрю – две какие-то бабы разоряются, слюнями брызжут. Потом так думаю – а че это они меня тут на подоконнике строят? Кто они такие, чтоб меня помоить, посылать куда-то, мозги мне ебать? И я такой, говорю им, без криков, че-то спокойствие накатило какое-то, будто заморозка у зубного: «Вы че орете-то, кошелки?» Ты б тещину рожу видел! Жалко, что сидела, а то бы с копыт навернулась. Моя тоже, сидит такая, шарами хлопает. Я им дальше, типа, если че-то не нравится – выгружайте свой триппер из моей машины и катитесь к ебаной матери.

– И че?

– Ниче. Сказал да пошел. Они че-то там визжали, да я не слушал особо. Василича только жалко, теперь на нем будут отвязываться.

– Рисковый ты парень. Щас как твое все подметут.

– Ну-ну. Там моего-то ноль-ноль да хрен вдоль, зато прикинь, сраный «кинотеатр» взяли, микроволновку, пузырьки свои какие-то, морду мазать. «Это ж вешшь, деньжищи-то какие...» Ну давайте, засуньте теперь всю эту ебань в Василичеву «семерку», дебилки. А сколько полезного дома бросили. Ну, нашим легче. Блин, я как знал – ключи от дома себе оставил. И бак на замке у меня, бензик не сольют. Хотя схожу-ка я гляну, че там делается. Ты тут долго сидеть собрался?

– Да посижу, пока дождь не начался. И курево свое найди, а то лавочка – все, закрыта.

Валек буркнул что-то насчет жадных чурок и тяжело спрыгнул на крыльцо павильона.

Солнце поднялось и немилосердно жгло вонючее месиво людей и машин. От этого странного стада несло немытыми несколькими днями телами, подгоревшей едой, бензином, памперсами, асфальтом – и растущей паникой. Нет, никаких очевидных признаков не было, но Ахметзянов всей кожей чувствовал ворочающуюся перед ним призрачную тушу, слипшуюся из некогда отдельных людей. У туши еще не было ни рук, ни ног – пока она вырастила себе только мутный, расфокусированный, как у младенца, глаз и пыталась им пользоваться, с трудом ворочая непослушной линией прицеливания. Зная по опыту, как быстро учатся подобные штуки, Ахметзянов решил не дожидаться превращения этой аморфной квашни в стремительное и беспощадное имаго, однозначно реагирующее на посмевших оставаться отдельными, и установил себе срок. Если все останется по-прежнему, то через полчаса ноги его здесь не будет, да к тому же тучка с севера перспективная надвигается.

Снова приперся бывший глава семьи, дерганый и молчаливый. Достал сигарету из своей пачки, показал Ахметзянову – во, типа, понял?

– Че, салага, второй заход? С плачем, обыманием стоп и давлением на совесть?

– Ну. Типа, – мрачно ответил Валек и дернулся от очередного хлопка за колючкой – с той стороны солдаты изредка стреляли в воздух, когда кто-нибудь из гражданских пытался трогать колючку или ворота.

– Ты, это, слышь, Валек, не залазь пока. Там в павильоне к потолку полиэтилен на скобы приделан, оторви кусок полтора где-то на метр. Ну, и себе тоже можешь взять, только немного.

Валек все же хохотнул, несмотря на мрачность, и скрылся в павильоне. Влез, пыхтя на влажной жаре.

– Натэ, ваш заказ. Карточка, наличные?

– Яичные. Если б не я, сидел бы ты минут через десять мокрый и псиной вонял. И пришло бы тебя с трибуны попросить.

Дождь и вправду пошел, минут через двадцать. Ахметзянов из-под полиэтилена брезгливо наблюдал за метаниями людей между машинами. ...*Бля, в натуре в толпе мозги вырубает. Ежу было ясно за час. Ха, а тупому ежу – за полчаса. Нет, дождемся, когда хлынет, и только тогда начнем метаться...* Казалось, толпа не помещается обратно в автомобили, словно паста в тубик. Последняя дверь хлопнула, когда обильный летний дождь уже выдыхался.

Сбросив пленку, Ахметзянов с наслаждением потянулся – облака еще закрывали солнце, воздух был непривычно свеж, пахло не дерьмом и духотой, а острой тополиной горечью.

– Ты заметил, майор-то, во-о-он тот, видишь? Который у них старший. Ему трубку давали от Грота²³, кажется, новости какие-то щас будут.

– Бля, скорей бы. Эти выедут, я развернусь – и домой. Посижу, тяпну от нервов. Эх, газа нет... О! Разведу костер на балконе! С детства, бля, мечтал! И спалю эти ебанные тещины часы с кухни, во! Зянов, поедешь ко мне? Накатим по грамм двести – семьсот, я тебе морду набью. Или ты мне. Хотя вряд ли, я поздоровше буду.

– Погоди, Валь, парад еще не окончен. А к тебе мы поедем, только деху попозже и не арак ашать. У меня к тебе есть коммерческое предложение. О, смотри, «уазик»!

– Зяныч, сто пудов – начальство едет. Вишь, солдатики-то застегиваются.

В самом деле, стоявшие в цепи солдаты подорвались от чьего-то окрика и кинулись приводить себя в порядок.

Было видно, что солдатам очень хочется потихоньку смыться в общей суматохе, но повсюду сновали офицеры, и каждый из них едва держался – висевшее в воздухе напряжение только усиливалось, хотя вроде дальше и некуда. Всем давно стало ясно, что это стояние кончится очень, очень плохо.

Из «уазика» вывалился здоровенный полковник, с двумя прапорщиками, видимо охранной, взобрался в майоров кунг. Практически без паузы раздался надрывный армейский мат на два голоса. Из долетавших обрывков толпа поняла – полковник хочет разгона ее, толпы, – и даже со стрельбой, если понадобится. Что понадобится – никто не сомневался, все почему-то страстно хотели покинуть Тридцатку и отступить не собирались. Вдруг ор затих. Дверь кунга распахнулась от мощного пинка, показался мордатый полковник, рявкнул что-то ждавшим его прапорам и заскользил по грязи к своему «уазик» походкой совершенно взбешенного человека. Майор спустился, устало присел на нижнюю ступеньку, достал грача и что-то тихо сказал в спину полковнику. Тот раздраженно отмахнулся на ходу. Тогда майор, помедлив пару секунд, скучно, словно исполняя давно надоевший ритуал, выстрелил в полковника. Пшикнула в грязи гильза, сразу стало слышно, что все происходило в непривычной уже тишине. Полковник, выпустив изо лба комковатый вишневым фонтан, во весь рост вытянулся в грязи, мелко заскреб начищенными сапогами. Охранники дернулись было, но тут же бросили свои АК, оценив количество смотревших на них стволов. Их тут же без особой злобы покрутили и загнали в кузов «Урала».

Майор хрипло каркнул что-то матерное, видимо скомандовал строиться. Солдаты и офицеры образовали подобие строя и притихли, косясь на толпу за колючкой. Майор довольно долго что-то им объяснял, затем скомандовал посадку, и через примерно десять минут быстрых сборов оба «Урала» с «уазиком» скрылись за поворотом на Вениково. Проводив их безразличным взглядом, майор обернулся к замершей по эту сторону колючки толпе. Снова вытащил из кобуры пистолет, пошел к воротам. Толпа отпрянула, но майор только забрался на досмотровую площадку и сделал жест, типа потише там. Разговорчивых быстро зашикали, над толпой разносился один детский плач.

²³ Грот – полевой индукционный телефон.

– Короче так, мужики. Если до вас еще не довели – довожу. Пиздец, бля, полный. Государство – все, нет его больше, эти пидарасы в Москве все продали. Совсем, понятно? Связи нет. Обстановку я точно не знаю, но в Свердловске позавчера разгрузилась натовская, бля, дивизия, и эти, бля, с ними, менты там и прочая пиздобратия. Заодно, бля, поняли? Даже с нашей дивизии, тоже, бля, вон, некоторые... – тут майор ткнул стволом в сторону мертвого полковника, – от новых хозяев приказы получают. Сориентировались, пидарасы... Сейчас я вам открою, и можете выдвигаться куда знаете. Хотя мой вам совет – не дергайтесь н-нах, на трассе блокпосты уже стоят, какой у них приказ – неизвестно. Эти-то ничего, стрелять, может, и не будут, но от наших держитесь подальше. Мой вам совет. А сейчас от ворот отойдите. Отошли, бля, сказал!

Закончив, майор спустился и несколько раз выстрелил по замку на цепи. Ворота открылись, и толпа, загомонив, начала помалу рассасываться, тяжело потянулась окутанная выхлопом череда навьюченных машин.

Добрался ли кто-нибудь из них до места назначения – история, как говорится, умалчивает; зато доподлинно известно, что никто не вернулся назад. Только через несколько лет торговцы из невообразимо далекого Ижевска принесли слухи о проходящей где-то за Сысертью лесной дороге, полностью забитой разграбленными и сожженными машинами. Якобы на всех были 74-е номера и на некоторых наклейки с надписью «Тридцатка».

Народ тянулся целый час, и даже после того, как пробка рассосалась, поток не прекратился – снялись с места те, кто был поумнее и не стремился в первые ряды. Правил, конечно, никто не соблюдал, и Ахметзянов с Вальком долго сидели в накаленной «буханке», пропускающая уходящие из города машины. Представив новому подельнику свой план, Ахметзянов договорился о действиях на завтра. Работа Валька была простой – по сигналу выдвигаться на «буханке» к подстанции у расположения дивизии и ждать сколько потребуется, разведку же и обеспечение доступа Ахметзянов брал на себя. Пить Валеку раздумал, какой пить, когда завтра такие дела. Завез Ахметзянова домой, принял у него ружье с патронами и отправился отдыхать перед первым в жизни вооруженным налетом на целую дивизию внутренних войск.

Военных тогда слили свои же командиры, когда все было непонятно, что у нас с хозяйками – то ли воюем, то ли бхай-бхай, мир-дружба-семечки. Это потом, когда все устаканилось, пережившие кровавые бардачные месяцы офицеры вспоминали – все той весной было как-то через жопу, как-то не так. Старослужащих уволили до прибытия пополнения, весь график переломали, повернутых на патриотизме рассовали кого куда – в общем, подготовились, и чувствовалось – все идет с округа или даже с Москвы. Ну, и когда в часть подъехала целая колонна хозяек, никому даже в голову не вошло, что вот так, тихо-мирно, сейчас умные люди и воюют.

Да и приди кому-нибудь в голову дернуться – толку-то... Ключи от оружек – у дежурного по части; а тот вместе с Папой²⁴ с хозяйским начальством поручкался, и они всей толпой в штаб идут, хохочут, довольные. Воистину, надо быть полностью отмороженным, чтоб все, к чему так долго и упорно приучали, послать подальше и взвод свой в ружье поставить. Лажу, конечно, все просекли, когда ясным утром, не таясь, хозяйские джипы малым газом разъехали по территории. На самом деле, если все же бхай-бхай – то на хера столько джипов с пулеметами да солдат в полной боевой? Ну, народ по канцеляриям ротным кучкуется, обсуждает залепу: че за хрень, господа офицеры?! Потенциальный противник в полной боевой по расположению дивизии шляется, а у нас даже личное оружие не заряжено. Тут Папа объявил, что таких-то – в штаб, бегом; ответственным²⁵ загнать личный состав в расположения и заниматься; остальным офицерам – на завтра выходной, а сейчас расположение части типа покинуть. Часть народа

²⁴ Папа – так в народе обычно именуется не слишком уважаемый командир войсковой части. Уважаемых чаще зовут Батями и т. п.

²⁵ Ответственный – офицер, остающийся на ночь в расположении роты для контроля за личным составом. Интересно, что обязанности «ответственного» не конкретизируются ни одним регламентирующим документом Минобороны.

посваливала сразу – бабы, гражданские, офицеры некоторые. Большая часть какое-то время оставалась – им уже не нравилось все это, но выебываться еще никто не спешил – может, и не так все плохо; окажется, что зря кипишнул, Папа ж потом сожрет. Именно в этот момент начвор кастрированной дивизии подался кружным путем, через промплощадку, к хаслинскому КПП – передавать приказ майору Ганиеву о «пресечении беспорядков», – где и сложил в грязь свою розовую ряшку. Грязь, как говорится, к грязи.

А вот что дальше было, тому Ахмет сам стал невольным свидетелем. Он сделал из увиденного у КПП вывод, что начавшийся в части бардак просто обязывает попытаться откусить что-нибудь сейчас, позже останется только грызть локти, и вечером этого же дня поспешил к военному городку, добавив к инструментарию в мародерской сумке хреновенький монокуляр²⁶, валявшийся у него с пионерских времен. Свет в части был, но освещались только парк и окрестности комплекса зданий штаба, а высокие четырехэтажные казармы сливались с темным небом, подмигивая огоньками сигарет в окнах каптерок. У штабных зданий стояли хозяйские джипы и ходили вразвалочку патрули. *...Во пидарасы!* – ругнулся в сердцах Ахметзянов. – *Защитнички, епть! Америкосы лаяют как у себя дома – и ни одного выстрела, как будто так и надо...* Пытаясь что-нибудь разглядеть, он обошел все расположение, но так ничего путного и не высмотрел. Решился действовать понаглее. Выбрав самое темное место, постоял, прислушиваясь, – вроде никого. Перемахнул через невысокий бетонный забор и метнулся к зданию спортзала, выбранного в качестве наблюдательного пункта. *...Вот это совсем другое дело,* – радостно ворочался Ахметзянов, устраиваясь на рулонах сваленного на крыше рубероида. *Вся часть как на ладошке. Один косяк – говном воняет. А, точно, собачник же рядом...* Часы тянулись, ничего не происходило. Ахметзянову начало казаться, что собачьим говном пахнет уже не только все вокруг, но и его руки, одежда, монокуляр. Просидев до предрассветных сумерек, он все же был вознагражден за долготерпение – откуда-то сзади, от забора, донеслось тихое звяканье. Метнувшись к бортику крыши, Ахметзянов дождался, когда источник звука минует его, и осторожно перегнулся. Внизу двое вояк, крадучись и стараясь не звякнуть колесом по бетону, катили столовскую тележку; один шел впереди – видимо, разведка. На телеге громоздились ящики характерного размера, увенчанные очень соблазнительной угловатой кучей под солдатским одеялом. *...Бля, вот это и есть самая настоящая пруха!* – ошарашенно сказал себе Ахметзянов. – *Только бы теперь не проебать! Только не проебать!..* – как заведенный, твердил он про себя, спускаясь с крыши спортзала.

Проводив мастеров прапорского многоборья²⁷ до оружейной мастерской, примыкающей к собачнику, Ахмет не стал ждать у моря погоды и со всех ног ломанулся за подельником – он жопой чувал, что вояки приныкали свой груз ненадолго, и надо успевать. *...Время раннее, Валец подъедет только к семи. Э-эх,* – горестно вздохнул Ахметзянов, – *придется совершить марш-бросок. Бля, вымотаюсь же как собака, а ведь «на дело» еще идти. Не, надо как-то так предусматривать, чтоб я если лезу куда, так чтоб сам был выспавшийся и бодрый, а противник должен быть усталый...* Пройдя быстрым шагом четыре километра до Валькиного дома, Ахметзянов начал беспокоиться о своем состоянии: от бессонной ночи в теле появилась болезненная, нехорошая легкость, и все казалось каким-то нереальным, черно-белым; правда, у этого состояния имелась и другая сторона – здорово обострилась чувствительность: поднимаясь, Ахметзянов легко вычислял брошенные и жилые квартиры.

Разбудив подельника, Ахметзянов стоял у него над душой, не давая совершить лишнего движения до самого выезда. К расположению Валец подъехал технично, с заглушенным двигателем – от расположенной по соседству с частью базой строительной конторы вела мало

²⁶ Монокуляр – оптический прибор, представляющий собой половинку нормального бинокля.

²⁷ В так называемом прапорском многоборье в разных войсковых частях молва числит разные виды «спорта»; автор же склоняется к признанию каноническим следующего списка: пить, пиздить и палиться (попадаться).

кому известная, кроме разве что владельцев здешних гаражей, грунтовка с хорошим уклоном. Ахметзянов, надев через плечо заряженный «ижак» и сумку, уже куда более нагло перелез на территорию части и занял исходную позицию за спортзалом. Пыльные окна за массивными решетками просматривались плохо, и пришлось рискнуть – пересечь открытое пространство между собачником и одноэтажным бараклом оружейной мастерской. Слава богу – на двери мастерской красовался амбарный замок и болталась бессмысленная пластилиновая печать на фанерке. За дверью – мертвая тишина и совсем не чувствуется людей. Поставив зарубку, что к инструменту надо прибавить пару слегка ржавых, для пущей зацепистости, гвоздей, Ахметзянов открыл замок шилом от складышка. Тут же, не тратя времени на разведку, бросился за подельником, и в мастерскую они вошли вместе.

– Твоя левая, моя правая. Шуметь можно, только тихо, – нелогично скомандовал подельнику Ахмет и вошел в первую комнату. Ничего. Кабинет – два стола с какими-то списками под неизменным оргстеклом, древний телефон, плакат с блондинкой, кактус на подоконнике. В стенном шкафу – старая пыльная шинель и тапочки. Понятно, идем дальше. За следующей, обитой несерьезной жестью двойной дверью оказалось производственное помещение, обжитое за много лет со старозаветным рабочим уютом. Идеальный порядок, множество железа не слишком оружейного вида, какие-то коробочки, кассы с ящичками, поддоны с маслом... Через довольно непродолжительное время Ахмет дал бы отрубить себе палец, да что там палец, за возможность вернуться в это мгновение, но сейчас его интересовала лишь выслеженная им добыча. Дальше. Дверь отворилась в умывальник с сортиром. *Бля, да где же сраные ящики?! Оп-па... Смотри-ка, и здесь ленокмната, ну надо же! Хотя, скорее, это учебный класс... Ага!!! А вот и груз!*

– Валек! Давай сюда!

– Погодь, Зяныч, я тут, по-моему, пушки нашел!

Ахметзянов стремительно бросился поглядеть на Валькины находки, но прирос к полу в дверях – на улице отрывисто грохнули несколько коротких очередей. Обмерев, Ахметзянов по-дурацки выпучил глаза на закрытую входную дверь в начале коридора. В пылающих ушах долбило вышедшее на форсаж сердце – на секунду ему показалось, что сейчас сюда ворвутся разъяренные военные, выволокут его во двор и, не дав подняться, расстреляют в упор длинными очередями. ...*Тьфу, дурак съкливый. Не по нашу душу, стопудово.* Взял себя в руки, заставил себя спокойно спросить у подельника:

– Валь, ты тут лестницы на чердак не видел, часом?

– Нет тут лестницы, смотрел уже. Можно в первую комнату сходить, там окно есть. Пошли?

– Пошли.

Осторожно выглядывая в пыльное окно, подельники увидели на плацу перед штабом сбившихся в кучу офицеров, окруженных рослыми вражьиими солдатами с винтовками наизготовку. Перед толпой наших стояла небольшая группа хозяек с Папой и еще несколькими старшими офицерами, и Папа что-то парил нашим парням, рубя воздух одинаковыми движениями.

– Прикинь, Зяныч, сам продался, падла, и этих еще уговаривает...

– Пидор помойный... Как думаешь, а в кого стреляли-то?

– Да, поди, поверх голов. Кто-нибудь огрызнулся, вот и приструнили. Не вижу убитых.

– Валь, давай, короче, носить, пока им всем некогда.

– Ага, пошли. Тока глянь сначала, че я нашел.

Подельники вернулись в темную комнатушку неясного назначения.

– Ого. Это че за херовина? АПС, что ли? Не, Валь, мне эта хуйня без надобности, – недалновидно скривился еще совсем зеленый мародер. – Там, на ящиках, три новых волюны, без рожков, правда. Рожки, вот че надо. Не попадались нигде?

– Нет. Ну, смотри, я возьму. Патроны добуду уж где-нибудь.

Первая ходка прошла как по маслу – выбрав момент, подельники безвозбранно утащили пару ящиков с 5,45 и акаэсы. Возвращаясь, им пришлось полежать в траве у забора – неподалеку, на той стороне, пробежало несколько человек, кто – было непонятно, бежавшие только сопели и хукали, не тратя дыхалку на базары.

– Валь, как думаешь, наши?

– Дык а кто еще? Че, думаешь, одни мы с тобой ушлые такие? Воякам тоже, поди, затариться охота. Я думаю, знаешь че? Командир ихний щас перед выбором их поставил – или пошли дальше служить на этих, или идите и живите как сами знаете.

– А эти, кто по территории ныкается, типа на лекцию положили и тарятя?

– Ну да, а че еще? И лучше бы нам с ними не встречаться.

– Че, думаешь, завалят?

– Ахметзянов, ты как дурачок. Заладил – «а че», «а че». Ты сам подумай, а? Тут не дошкольники в песочнице, они ж тут все через одного повоевали. Ты для них теперь кто?

– Да ладно тебе. Это я так, нервничаю.

Мародерство пришлось прервать и переместиться повыше, чтоб не проспаться свой момент. По части пошла какая-то странная движуха, кто-то куда-то бегал, туда, сюда, группами, поодиночке. Кончилось тем, что хозяйские солдаты вывели толпу офицеров за ворота, и дали поверх голов несколько очередей – пошли, мол, отсюда. Тем временем несколько групп из двух-трех человек принялись таскать что-то в штабные здания, в парк, на склады; несколько хозяйских солдат вывели из казармы и загнали на склад взвод срочников.

– Бля, как их много-то здесь. Смотри, повсюду шнырят...

– Слушай, Валь, а знаешь, че они щас делают? Видишь, «Уралы» выгнали с парка? Сто пудов, на склад погонят. А эти, что с коробками бегают, – саперы. Они все оружие вывезут, а че не вывезут – взорвут.

– Еб! Надо тогда отойти, а то как осыпет!

– Да не, Валек, не бздимо. Зарядики-то они плевые раскладывают, я же вижу. Так, связь порушить, да бэтээры в парке захерачить, нам с тобой ссать нечего. Склад ГСМ на той стороне, далеко. Не, не достанет по-любому.

– Бля, неужели ГСМ подорвут? Эх, бензину бы... – горестно вздохнул Валек. – А через сколько ебнет?

– Да ну, брось. Щас, дали тебе затариться. Даже если б этих не было, все равно не успеть – пока добежишь, пока тару найдешь... Бесплезно. О, смотри – старший группы минеров строит. Во-о-он тот, видишь? Закончили, похоже.

Ахмет приготовился было понаблюдать вражеский порядок произведения взрывных работ, однако никакого балета не было – просто старший команды набрал на небольшом девайсе какую-то комбинацию, и над частью покатилося эхо очереди несильных хлопков. Два примерно десятка сработок, с секундной паузой.

– О как. Все на радио, фу-ты ну-ты. Культура, мать его, труда.

Удовлетворенно кивнув последнему взрыву, старший минной команды картинно доложил начальнику, сидящему в хамвике, махнул своим, типа – по машинам, и америкосы побежали грузиться.

Служивые вернулись, едва скрылся из виду последний хозяйский хамвик. И увы, тотчас обнаружили Ахмета с подельником, во весь опор несущихся от оружейной мастерской к собачнику. Положим, «несущихся» – несколько громко сказано: усталые мародеры едва тащили три последних ящика, тем не менее бросать добычу категорически не собирались. Подельники заканчивали загрузку «буханки», но малость припозднились, и ситуация начинала выглядеть нехорошо. Грохнули первые выстрелы – до преследователей дошло, что мат в спину мародеров не остановит. Заслышав хлесткие удары пуль по мокрым доскам забора, напарники прибавили ходу. Ворвавшись в калитку огражденного дощатым забором собачника, Ахмет, запа-

ленно дыша, рванул с плеча ружье. ... *Только бы патроны не проебаны оказались...* Патроны оказались на месте, чего нельзя было сказать о сердце. Оно попросту разламывало грудную клетку: мало того, что ему пришлось обеспечивать беготню с грузом, организм, похоже, понимал – кто-то бежит его убивать и быстро приближается. Руки не то что тряслись, ими словно специально мотала чья-то посторонняя воля: Ахмет едва удерживал скользкие гильзы, сиюсья попасть ими в патронник. ... *Сейчас ебну из одного, и эти прилягут. Только вставать начнут, а я из другого. Бля, а если не прилягут...*

– Выбивай доску, пока заряжаюсь!

Валек с испугу хрюкнул так, что забор едва удержался.

– Все, хорош, теперь давай тащи ящики к забору, я щас ебну по этим и приду перекидывать, потом хуячь к УАТу, там встретимся.

Патроны, наконец, встали как надо. Ахмет осторожно выглянул в щель меж полуоторванных досок – камуфляжи военных стремительно приближались. ... *Ну, бля, держите.* Ствол едва пролез в щель, пришлось немного повернуть, и ружье встало чуть ли не боком. О каком-то прицеливании речи не было, и Ахмет выпалил, кое-как наведясь по стволу. Это был его первый в жизни выстрел из ружья двенадцатого калибра, даже не первый боевой, по человеку, а вообще первый. Ижак гулко рявкнул, ошутимо саданув по ключице. Ахмет от неожиданности даже забыл, что он пытается не что-нибудь, а отстреливаться и это происходит не в кино, а самым настоящим образом. ... *У, сука, как отдало-то. Блин, как же его тут держать... Ой, а эти – залегли или что?..* Выглянув в щель, Ахмет удивленно уставился на результат: бежавший первым военный, выгнувшись дугой на мокром асфальте, мелко и как-то жутко дергал руками и ногами. Даже издали было видно, как белое лицо военного заливает красным. Остальные остановились и смотрели на упавшего, опустив стволы. Ахмета словно ошпарила какая-то душная, горячая волна: *Ой, бля, я ж ему в голову попал...* Новоиспеченный убийца с трудом сдержал порыв – бежать туда, к подстреленному им человеку, что-то делать, помогать. ... *Ну ни хуя себе из меня вояка. Ага, давай – выскочи, помоги. Так, собирайся, собирайся. Мы здесь, если что, воюем. Так, хорошо стоим, товарищи, щ-щас я вас из второго...* Снова грохнул «ижак» – тут вояки очнулись, залегли, по забору с сырым хрустом застучали пули. Ахмет обнаружил, что тоже лежит, прикрываясь заборным столбом, а ружье уже переломлено и в дрожащем кулаке зажаты патроны. ... *Ни фига се. Эт когда это я? Ладно, потом разберемся, надо зарядиться.* Ему вдруг стало как-то особенно ясно, что в случае проигрыша в этой маленькой смешной войнушке его ждет самая настоящая смерть, скорее всего, мучительная. Странно, после осознания этой довольно пугающей перспективы стало гораздо легче, чуть ли даже не весело. Вскочил, быстро просунул ружье в щель. *Ага, подошли суки, а вот один! Че, прилечь охота? А вот второй! Лежать, падлы! Так, осталось четыре патрона. Валек подтащил уже к забору, надо подымать и тикать отсюда, короче. Пусть перелазит, а я ему подам. Блин, а подкину я ему? Да подкину, влежкую. Ух, прет-то меня как, аж морда горит. Наверное, со страху...*

– Валек, перелазь, короче, я тебе подам щас. Давай, давай, бля, у нас пара минут осталась! Э! Ты че с забора-то! Не спрыгивай, примешь!

Ахмет бросил ружье и стремительно забросил Вальку три последних ящика.

– Все, грузи и чухай отсюда, встретимся где договорились! Я этих тормозну пока! И едь по кругу, через УМР, по Монтане!

За забором раздался смачный хруст дерева и злобный мат Валька.

– Зяныч! Эти сраные ящики рассыпались, нах! Задержи этих пидоров, пока я цинки пристрою!

– Быстрее давай убивай!!!

Ахмет снова зарядил «ижак», метнулся к калитке, выстрелил дуплетом и залег, пытаясь разглядеть врага сквозь подзаборную траву. *Бля, че-то неправильно я делаю, вроде как при-*

нято места менять... *Че эти не стреляют-то? О! Валек завелся, ништяк, так, а где эти-то?! Не, надо дергать, хорош.* Ахмет резко привскочил и замер посреди движения, неудобно зависнув враскоряку, – вдоль забора собачника, уже почти напротив его головы, кто-то осторожно подкрадывался к калитке. В голове мгновенно настала холодная тишина, и где-то на периферии сознания пронесся ролик: «Что будет, если выпалить через забор?» Содрогаюсь от увиденного – разлетающиеся щепки, кровь и сотрясаемый очередями в упор собственный труп, – Ахмет рванул к внешнему забору и очнулся уже с ногами на ту сторону. По пальцам хлестнула колючая бетонная крошка. ...*Блин, а почему не слышно выстрелов-то?* – Прыгая, все-таки обернулся, но ничего разглядеть не успел – взлетел бетонный занавес, на ходу покрываясь дырами попаданий. ...*Фигасе! А забор-то пробивает! Он же бетонный?!* – искренне изумился на лету Ахмет. Случившаяся измена, казалось бы, совершенно железобетонного забора вносила в план отступления жутковатую неопределенность. ...*Им же теперь перелезть не надо – через свои же дырки стрелять можно!..* И тут Ахмету в голову впервые пришла настоящая Военная Мысль: *Значит, надо бежать вдоль забора – наискось в заборную дырку не постреляешь!* Параллельно забору части стояли гаражи, и до спасительного прохода меж ними оставалось метров двадцать – двадцать пять; Ахмет чувствовал, что успевает, и даже с запасом. Тем не менее побежал во всю силу. Бежалось размашисто и легко, Ахмет ощущал нечто совершенно новое: организм праздновал победу, только что пережитый страх сменился гаммой доселе неизведанных ощущений. Тон букету этих непривычных чувств задавала эйфория; полный, совершенный контроль над телом, совсем как в давно забытой юности; невероятная легкость мысли: стоило Ахмету мимолетно мазнуть что-либо краешком внимания – тут же разворачивалась целая картина, будто разархивировался огромный файл с кучей одновременно доступных гиперссылок. Ему даже пришлось себя одернуть: сами собой поперли бодрые планы по добыванию стволов у гнавшихся за ним военных. ...*Не, хорошо помаленьку. Смотри-ка, стоит случайно попасть – и пожалуйста. Мост Арколь уже ему подавайте. Сейчас бы Валька затемно найти, и то уже спасибо. Нет, только гляньте – стволы он сейчас у военных поотбирает, Ремба, нах...* До садов у кладбища бежал, пока дышалки хватало. Когда сдох, на всякий случай решил провериться насчет погони. Залез на здоровенный водяной бак, оттуда хорошо просматривалась ведущая от части дорога. Никого, конечно. Кем бы вояки ни были, но дураками не были точно, понимали: что с возу упало, то пропало. ...*Поссыкивают вояки-то. И правильно делают, – если им сейчас выдвигаться, то только большой шоблой, иначе труба дело.* Ахмет представил себе дорогу от перекрестка Пыштымская – Дзержинского. ...*Не-е, я бы по ней точно не сунулся. Дорога между двух заборов, за заборами – сады. Если за заборами сидит хоть пяток балбесов с двенадцатым калибром – низдец. Да и если проедешь... Буханка ушла в сторону уэмэра. Ну, доедешь до уэмэра – ну и че дальше? Куда? Не, никаких погонь не будет, не до меня им сейчас. Идите спокойно, товарищ Ахметзянов. Так, что у нас там с организмом? Вроде восстановился, можно трогаться. У-у, бля, как ноги-то болят.* Ахмет брел по кладбищу, полурасслабленно озираясь и прислушиваясь. Через полсотни метров устал бессмысленно набивать бока среди оградок, плюнул и пошел аллеями, рассматривая бледные фотографии на памятниках. Могилы золотились опавшей хвоей, снова зарядивший дождик мягко шуршал где-то наверху, в кронах огромных кладбищенских сосен. ...*Ентить, хорошото как. И че я сюда раньше не заходил?..* Покой постепенно вытеснил из души привычное уже напряжение. Сделав случайно полный вдох, Ахмет с немалым удивлением обнаружил, что не дышал полной грудью минимум пару недель, – настолько забытым показалось это ощущение. Все вокруг перевернулось вверх дном, а кладбище словно продолжало жить в том, рассыпавшемся навсегда, мире. Да, было немного грязнее обычного, но в целом все оставалось по-прежнему, и покойники серьезно глядели на Ахмета из-под выцветших венков. Ковер хвои на асфальте нигде потревожен не был. *Смотри-ка, на могилы перестали ходить совсем. Интересно, начнут когда-нибудь, или все уже?* Ахмета здорово расслабила настоявшаяся кладби-

щенская тишина; перейдя наискось все кладбище, он почти забыл о том, что полчаса назад его едва не убили. Кладбище кончилось, сменившись гаражами. Не решившись с ходу пересечь дорогу, Ахмет немного посидел за памятником, изучая обстановку. Ничто подозрений не вызывало: во втором от кладбища ряду кто-то осторожно ковырялся в гараже, из развеселой сорок четвертой фазанки смутно долетала пьяная ругань – ничего подозрительного. Прикинув маршрут, Ахмет разрядил и располовинил ружье, пристроил повешенные на шею половинки как можно незаметней и вылез на дорогу. ...*Так, я никого не ссу, никуда не тороплюсь. Стоит только свистнуть, как из гаражей выскочит целая толпа моих корешков... Бля, мотор! По Октябрьской? Точно! Со стороны города едет, жучка. Ну и хули? Не вояки, стопудово. Фу, ну, блин, нервы стали... Интересно, кто это борзый такой? Не боится он, смотри-ка... Так, надо занькаться на всякий случай, а потом уже смотреть.* Ахмет метнулся обратно на кладбище, махом перелетел забор и прилег в теньке. Звук мотора приближался, *вот он уже на перекрестке с Монтажников, сейчас притормозит – там надо пролезть между перевернутой «беларуськой» и автобусом; ага, пролез; переключился, сейчас покажется ...* Ахмет вытянул шею, пытаясь увеличить поле зрения и... едва не обделался от резкого дуплета неподалеку. С выстрелами слились звуки попаданий – картечь почти в упор хлестнула по автомобилю. Сразу же еще один, калибром поменьше. *Блин, да сколько их там!* Но выстрелов больше не было, мертвую тишину нарушал только хруст гравия под колесами катившегося по инерции автомобиля. Двигатель заглох, машина ушла вправо и остановилась на обочине, напротив угла кладбища. Теперь Ахмету была видна только желтая крыша. ...*Ни хера се. Выйти и добровольно съебаться не предложили. Жестко работаем, коллеги.* Ахмету, только что самому застрелившему человека, было не по душе это уверенное жестокое убийство. ...*Так, сейчас вы осторожно пойдете к машине, а я покамест потихоньку выдвинусь в партер, что-то мне хочется на вас посмотреть. А, вот и вы. Ну-ка, ну-ка...*

Из чахлах кустов между недостроенными гаражами на противоположной стороне дороги осторожно вышли два здоровых бугая в одинаковых ментовских куртках. ...*Ментов, что ли, завалили? Бля, здоровые какие!..* Помповик в руках здорового казался игрушечным. ...*Хотя нет, второй, с вертикалкой, на бугая не тянет. Э, да это же Фотеев, мент бывший! О, бля, защитник законности, епть. Переквалифицировался. Гражданин мочит, понимаешь. Да и второго, по-моему, я тоже в форме видел... Блин, точно! Это ж Поварский! Охранником где-то сидел. Где же? Да насрать где... Сладкая парочка, бля. Че-то про них в свое время говорили, хуевое такое. А, Фотей когда-то человека грохнул, его еще отмазали родственники-менты, типа неосторожное убийство или еще че там. А Поварский типа просто отмороженный, с Чечни или че у нас там еще было тогда...* Отморозки тупо пялились на расстрелянную «Калину», Фотей перезаряжал ружье. Лобовуха старенькой рыжей «Калины» клоками провисла внутрь салона, оставшиеся стекла были густо заляпаны кровью и мозгами. Щелкнул замок дверцы, почти сразу за ним последовал тяжкий шлепок – видимо, выпал водитель.

– Пажган, смари, как я им четко бошки снес. У, да тут киндеры сзади. Смари, пацан шевелится. А второй двухсотый. Бля, че-то даже неприятно как-то.

– Да хуй с ним, давай лучше глянь в багажнике че. Я пока пойду бензин посмотрю.

– Ладно.

Поварский обошел машину, занялся крышкой бензобака.

– Фотей, бля!

– Че? – натужно каркнул второй, вытаскивая из багажника что-то тяжелое.

– Ты, мудила! Говорю же – в бак не попади! Вон, уже литров пять на земле. Давай Димона кричи, пусть, короче, подъезжает.

Зашипела рация, Фотеев покричал кому-то, что «все ништяк и давай сюда». Через несколько минут подъехал сотый «круйзер», весь в пулевых пробоинах, и отморозки засуетились по хозяйству. ...*Еще один мент. Как же, помню – на техосмотре сидел, жабба. Не,*

в натуре, что ни урод, то мент. Бля, ни хрена себе пушка-то у гаишника! Это же, как его, «Каштан»! Или «Кипарис», че-то деревянное, короче. Закончив перегружать содержимое багажника и слив бензин, троица в задумчивости обступила «Калину».

– Че, этих-то обшманаем или ну его нах?

– Да надо ба... Хуй знает, может, че хорошее есть.

– Бля, мараться неохота...

– Тогда поехали, нах. А то дождик че-то сильней пошел.

– Не, надо. Вдруг че. – Фотей решительно шагнул к машине. – Э, Димон, хули встал. Давай подсобни. Вытащим их.

Разложив трупы на мокрой дороге, отморозки присели возле на корточках, брезгливо ковыряясь огромными ножами в окровавленной одежде. Ахмета почему-то аж передернуло. *Бля, как эти, как их, в Африке, трупеды-то. О, гриффы, точно. У, сука, ебнуть бы щас по вам, козлы. Из чего-нибудь посурьезней моей пукалки. Интересно, сколько вас таких еще в фазанке засело.*

– Фотей, куда ты деревянные? Хули ты на них покупать собрался? Баксы оставь, а эти-то выкинь нах. А заебись буратин попался, баксов штук пять-то будет!

– Валишь он по ходу собрался куда-то. Вишь, все манатки прихватил. Интересно, а этот камушек фуфловый или стоит чево-нить? Бля, не сымается...

– А нож тебе на хуя? Хы, тормоз... О, курево! Заебись!

– Сам ты тормоз. Ладно, вроде все. Че, поехали? Тачку-то оставим или че с ней делать?

– А хули с ней делать. Пусть стоит, проезд не загораживает. Хотя, это, поджечь можно.

– На хуя?

– Да хуй знает. Просто.

– Точно. Не хуй тут стоять, вон запрещающий знак висит. Товарищ водитель, вы нарушили. Ща мы вас за это накажем. А как поджечьто?

– Да тряпку возьми, кинь. Там под тазом бензину лужа целая.

Димон присел возле трупов, брезгливо потыкал пальцем в одежду.

– Бля, на этих промокло все уже. О, у меня в машине есть!

– Камень в нее заверни, а то не долетит.

– Точно. Фатей, а, бля, можешь соображать, когда хочешь! Ладно, давайте садитесь, отъедьте, щас ебнет.

Пыхнуло, растекшаяся лужа занялась бледным пламенем. Ахмет спрятался за плиту памятника, сжавшись в ожидании взрыва. В машине еле слышно завизжал раненый ребенок, но тут же все звуки перекрыл неожиданно басовитый и раскатистый взрыв, сменившийся нарастающим, жадным треском пламени. Сверху посыпалась всякая мелочь, вдали грохнулось что-то побольше, с мерзким жестяным скрежетом устраиваясь между оградками. ... *Че-то от кузова. Во как. Сроду не думал, что машины так взрываются. Бедный пацан. Или кто он там был. Ребенок, короче. Не. Ребенков так нельзя. Попал ты, пидор. Вот так.* Ахмет взбесился до ледяного спокойствия. Отметил про себя: *Тожже новое состояние. Такого тожже еще не было. Интересно, успею я съебаться? Похуй. Посмотрим...* Какими-то чужими, плавными, как во сне, движениями собрал и зарядил ружье. ... *Это че еще со мной? Как на автопилоте прямо.* Ружье удобно легло на мокрый памятник. *Вон он, падла. Пиздует себе спокойно. Съеж пацана живого и пиздует. Хуй ты угадал, пидор.* Дождавшись, когда гаишник окажется на одной линии с корешками, сидящими в кружаке, Ахмет саданул из верхнего. *Предпоследний. Жаль, далековато.* Однако все стекла по левому борту в кружаке вынесло, а гаишник рухнул как подкошенный. Ахмет удивленно сощурился – неужто опять повезло, расстояние было весьма личным. Но нет, отморозок практически сразу вскочил и, припадая на левую ногу, довольно шустро влез в тут же рванувший с места джип. Ахмет откуда-то знал, что после своего вполне идиотского выстрела ему не придется с одним патроном отбиваться от трех этих гопников,

потому не сильно удивился такой реакции. *Смотри-ка, «предчувствия его не обманули». А теперь – ноги, товарищ Ахметзянов. Только еще...* Ахмет поднял голову и неожиданно для себя громко сказал в низкое серое небо:

– Эй! Как Тебя там! Извини за грубое обращение, конечно. Я же хотел сказать. С Тобой можно иметь дело! Ты мужик. Ну, в том смысле... короче, Ты понимаешь.

...Вторые сутки на ногах. Интересное какое состояние, надо же. С одной стороны, чувствуется все во сто раз резче. Ренген²⁸, епть, – отстраненно, словно не о себе, думал Ахметзянов, бредущий по промзоне в направлении места встречи, УАТа. – Зато с другой – косяк. Боеспособность, скорее, отрицательная, бери за ухо, ставь к стене и, не торопясь, забивай пустой сиськой из-под пива. Не, больше так низ-зя-я.

Чувствительность на опасного человека, да и вообще на любую опасность, и без того отличавшая Ахметзянова с малых лет, от вброшенного в кровоток адреналина обострилась на порядок. Было довольно занятно обнаружить в себе новые грани этой рудиментарной способности – сейчас Ахметзянову удавалось чувствовать на расстоянии скрытое от зрения присутствие живого, отражающегося на его радарном поле разными марками. Он по-детски развлекался, привыкая к маркам воробьев, замерших под кустом, засек провожающую его мрачным взглядом кошку, уверенную в собственной невидимости за кучей хлама у будочки железнодорожного переезда, по большой дуге обошел склад у депо, светившийся от множества людей внутри. Хотелось присесть, передохнуть, но было ясно, что только дай слабину, и более-менее дееспособное состояние рухнет и рассыпется и останется только ноющая боль в мышцах и дрожь забитых ног, с чем, понятное дело, много не навоюешь. ...*Стоп, – испуганно подумал Ахметзянов, – какие еще, на хер, войны?! А не хватит ли на сегодня?! Я ж под собой ног не чувю, мне б домой, да вытянуться, –* просительным тоном закончил он, мысленно глядя вверх. Ответа не было – зато из-за поворота показалась примыкающая к УАТу заправка, забитая брошенными грузовиками. Большое пятиэтажное здание управления пялилось на шоссе пустыми окнами, опасностью несло от УАТа страшно – если бы с такой же силой дул ветер, Ахметзянова кувырало бы до самого переезда как смятый фантик. Чертыхнувшись, он замер под прикрытием придорожного куста. В голове тупо крутились бессмысленные ругательства: *...Ебаный УАТ, ебанные патроны с ебаными вольнами, ебанные америкосы, затеявшие это ебаное ВСЕ!!! Ебанные наши, все Это допустившие!..*

Ахметзянову стало как-то по-детски обидно; он вдруг до мелочей увидел свой распорядок в этот день, не случись Сраная Заморочка. Вот он идет с расслабленной летней работы; он не устал – на его работе летом не напрягаются, разве что за совсем уж интересные деньги. Денег у него хватает – не надо думать, по карману ли то или это, да и дешево летние удовольствия для нетребовательного Ахметзянова. Вот он лежит с женой на пляже, изредка принося из ближайшего ларька по две бутылки холодного пива «Брама», к которому последнее время пристрастился. Вечером садится в свое новое прохладное кресло, лезет в Сеть. Или едет в баню, или на турбазу, или вообще на юг... Ахметзянова накрыл приступ бешенства, порожденного острой жалостью к себе. Откуда что взялось – кулаки сжались до белых косточек, захотелось что-нибудь сломать, разбить, убить. *...Даже ножкой топнуть. Или во! разрыдаться!* – ехидно подсказала какая-то бесстрастно наблюдающая за собственной мини-истерикой часть сознания. Слава богу, контроль пропал ненадолго; вспыхнуло, да и ушло, словно и не было ничего, оставив после себя выгоревший до тонкой серой золы пустой череп. Бешенство бесследно разметало и ту тонкую настройку, превращавшую мысленный взор в замечательный инструмент: УАТ теперь выглядел тупой плоской картинкой, за тонкой бумагой которой ощущался лишь бездонный провал неизвестного. *...А теперь я грязный, невыспанный, усталый,*

²⁸ Автор умный и уже знает, как пишется фамилия Рентген; это расписздяйничавший в школе Ахметзянов не в курсе.

стою за городом с одним патроном в кармане. И надо лезть в этот дурацкий гараж, где меня завалят даже дети. Совками и формочками для куличиков. К тому же ренген че-то не фурьчит, – плаксиво отметил Ахметзянов. – Как теперь лезть-то туда, вдруг и впрямь завалят... Однако наступать с таким политико-моральным состоянием войск могут только идиоты, и Ахмет, собрав остатки работоспособности, нагнал на себя отрешенность. ...Завалят, говоришь. А может, сам завалю. Или на самом деле завалят. Да по хуй, – и вдумчиво, тщательно повторил, еще не подозревая скрытой мощи этого великого заклинания: – По хуй.

Продуманно обойдя территорию гаража сзади, Ахметзянов медленно, по пяти минут застревая на каждом рубеже, продвигался в глубь территории. «Буханка» обнаружилась стоящей прямо в воротах, водительская дверь распахнута – ну прямо инсталляция «Садись и езжай». Ну-ну. Ренген молчал, поэтому приходилось примерять на себя возможные действия устраивающего засаду – что было трудновато, потому что Ахмет не знал, кто же на него охотится. Валек? Тот, кто уже Валька завалил? Или тот, с кем Валек договорился? Ни тот, ни другой, ни третий вариант фильтра примитивного здравого смысла не проходили, но полученный Ахметом сигнал «предельно опасно» сомнению не подлежал, это было «прямое» знание – безренгенным объяснять бесполезно.

Обшаривая монокуляром первый этаж управы, Ахмет заметил зеркало на приоткрытой в коридор двери кабинета. Осторожно переместившись, увеличил угол обзора. ...Ну-ка, есть там кто у нас... Никого, однако, в коридоре не наблюдалось. ...Надо б добавить к инструменту рогатку. Щас бы высадил на том конце осколок покрупнее, враз бы обозначились. Если, конечно, они там... Первый этаж управления идеально подходил на роль места засады, и Ахметзянов практически не сомневался, что супостат засел именно там. Сделав несколько коротеньких перебежек, Ахмет подобрался к управе вплотную и замер под бетонным козырьком на невысоком заднем крыльце. Вроде тихо. Осмотр двери показал, что тихо ее открыть нереально, зато вполне можно вытащить лист крашеной фанеры, заменяющий разбитое стекло. Удаление фанеры проблем не вызвало; куда труднее было без шума перелезть через кучу всякого хлама, приваленного к двери на той стороне.

Внутри, присев на ступеньку, Ахмет первым делом тщательно восстановил сбитое дыхание. Попытка оживить ренген ни к чему не привела – либо зловредный аппарат капризничал, либо Ахметзянов просто жал не те кнопки, не умея обращаться с такими сложными вещами. Когда шум сердца и свист прокуренных легких перестали наконец забивать входной сигнал в ушах, Ахмет двинулся на поиск. В разрухе, царящей в коридорах управления, четко прослеживались две волны – было видно, где пробежались суетливые бестолочи, разбивавшие мониторы и стекла шкафов, а где прошел, неодобрительно морщась при виде дурости первых, невозмутимый основательный мародер. Вот куча дешевых телефонов – это, конечно, бестолочи. Собрали охапку, потом, похоже, дошло – звонить-то куда? Бросили. Тут же, под ноги, в коридоре. Вот они же вскрывали дверь – измочаленный косяк, все полотнище в пыльных отпечатках кроссовок. А вот дверь вскрывал человек из другой оперы – одним движением, быстро и наверняка, без лишнего шума. ...А ну-ка, зайдем. Посмотрим, че где искал. Ага, бардака не оставил; глянул, дальше пошел. Ничего перевернуто не было, но содержимое ящиков явно осмотрено. ...Интересно, зачем коллега тратил время на этот порожняк? Ну что можно найти в столе бюджетной конторы... Отметив, что надо как-нибудь вернуться сюда и забрать чистую бумагу, несколько пачек которой пылилось в одежном шкафу, Ахмет собрался было выйти из кабинета, но вдруг что-то еле заметно чиркнуло по его вниманию – боковым зрением он отметил в окне, выходящем во двор, на ряд здоровых автобусных боксов, какое-то едва заметное движение, заставившее выплеснуться в кровь очередную порцию кипящего адреналина. Резко развернувшись к окну, он пристроился на фоне темного шкафа, чтоб не отсвечивать на светлых обоях, и тщательно ощупал взглядом каждый видимый сантиметр панорамы гаража. Ничего. Ладно, шевельнулся раз, шевельнешься и второй. Ахмет расфокусировал глаза

и продолжил мониторить вид в окне, старательно поддерживая расслабленность. Когда в очередной раз, отчаявшись чего-нибудь дожидаться, он собрался идти дальше, глаз снова дернуло – и на сей раз Ахмет успел. Движуха, оказывается, была на крыше. Ровная тень здания, протянувшаяся через поле приземистых автобусных жилищ, украсилась маленьким прыщом – и прыщ двигался: тот, чья башка так отчетливо обозначилась, водил жалом, осматривая территорию. Скрылся. ...*Ага. Комитет по торжественной встрече. Бля, а если их там много?* – Ахмет задумался. – *Пытаться внести в ситуацию ясность – лезть на рожон, это однозначно. Если там ждут – а, судя по всему, так оно и есть, – то шансов не то что забрать свой груз, а просто выйти из ситуации – нет; и не просто нет, а нет совсем. Херово. Девять ящиков и три вольны...* Стоит ли из-за этого подставляться? С одним патроном? Увы, но, похоже, стоит... Вдруг ярко так представилось – его плотным огнем отгоняют от оконного проема, тем временем несколько нападающих подходят вплотную, цепляют на дверь шашки – а отогнать нечем. ...*Без возможности отмахаться не обойтись, и если сейчас отдам груз, то отдам наши с женой жизни. Сам. Ну уж хуй, ребятаушки,* – попытался разозлиться Ахмет. – *Этот груз оплачен, и вы его – на халяву – не получите. Если есть возражения, вам придется свои возражения засунуть себе в жопу. Обсуждение, мать вашу, закончено.* Не сказать, что эти реплики киношных крутышей как-то особо взбудрили Ахметзянова, но все ж заставили подняться и направиться к лестнице на крышу. Он не торопясь брел по усыпанному битым стеклом лестничным маршам, даже не особо стараясь шифроваться, но все равно отчего-то получалось довольно тихо. В переутомленном мозгу вяло болтались недосформированные мысли, умудрившиеся сбиться в раздражающе-навязчивый стишок: ...попробовать лучше, чем тухло слинять... попробовать лучше, чем тухло слинять...

Кроссовки он увидел издали, в просвет между железной лесенкой в лифтовую будочку на крыше и потолком последней лестничной площадки. Дорогушие фирменные тапки. Его почему-то это обрадовало; попробовал проследить ход собственной мысли – почему? Такие тапки может купить не только безбашенный салабон, но и вполне боеспособный молодой самец; спортсмены, к примеру, такие таскают, да мало ли! – однако маленькое пятнышко радости спряталось где-то в самом углу, но уйти не ушло. ...*Ну и ладушки,* – решил Ахметзянов. – *Только расслабляться всерьез низ-зя...* Так. Тапки стоят у двери. Что он может делать у двери? Страховать спину тех, кто караулит над «буханкой», что ж еще. Если залезли на крышу – значит, а – имеют стволы, б – уверены, что попадут, в – поссыкивают непосредственного контакта; не ссали бы – сели б по-человечески. Что это нам дает? А дает нам это, что они, по ходу, бараны. Значит, если борзануть, они руки к жопе прижмут. Интересно, у караульщика этого есть ствол или нет? Скорее всего нет. Ладно, все. Пробуем. Ахмет решил резко выскочить на караульного из-под лестницы и быстро прирезать. Как он будет резать живого человека, он не представлял; нет, техника была ясна, но... В общем, решив положиться на инстинкт самосохранения, этот пункт он опустил, сосредоточившись на моменте своего появления. Была даже шальная мысль спокойно, но быстро выйти из-под лестницы, посмотреть на караульного как на мебель и невозмутимо подняться – вот сто пудов, он охует и растеряется! – но все сложилось иначе. Караульному захотелось поссать, и, судя по его движухе, он решил поссать прямо вниз по лестнице. Звякнул прикладом по бетону ствол – блин, был все-таки ствол-то! Вжикнула пластиковая молния спортивных штанов, а Ахмет, заранее сморщившись, – ...*бля, щас обоссят ведь, гад!..* – уже неся вперед, так и не успев продумать план действий. Ссанье караульного, щедро промочившее весь живот и левую ногу, показалось ему неправдоподобно горячим. Ахмет не успел осознать свой взлет по грохочущей лесенке, хотя в эти считанные секунды так много всего произошло: ему удалось и шарахнуться с траектории – казалось, струя летит прямо в лицо; приложился плечом об стену, сильно корябнув побелку стволами ружья, испугался – щас как зачерпнет побелки да разорвет при выстреле, тут же вспомнил, что дробовик-то не разорвет; успел удивленно порадоваться реакции караульного –

тот, сделав круглые глаза, вначале застыл – статуя писающего мальчика, епть; вместо того чтоб как-то отразить нападение, он даже не то что к своему бесполезному уже ружью не дернулся, а – вообще комедь! – попытался рефлекторно отвернуть свой ссу-щий отросток к стене. Мы такие, стесняемся... Ахмет неловко, но сильно воткнул ему в горло нож и на мгновение замер в растерянности: враг-то не умирал! И даже не заметно, чтоб собирался! Он даже не падал, и, мало того, тоже как-то растерянно косил глазом на руку Ахмета, словно удивившись такой беспричинно недружественной выходке. В животе Ахмета словно оторвалось что-то холодное, его мгновенно пробило пбтом, и пронеслась какая-то странная смесь полумыслей-полуэмоций – происходящее показалось ему каким-то нелепым детским сном: ой, страшно-то как, что ж я делаю? Домой надо. Нет, надо вытащить нож у чувака из шеи, может, ничего еще и не будет, сядем, покурим... Но мгновенье пронеслось, и к реальности Ахмета вернула первая, обжигающе-острая струйка, ударившая в лицо. Испугавшись, словно во сне, бессилия своего оружия, Ахмет подвытащил лезвие из раны и снова сильно ткнул, царапнув острием позвоночник, – мерзкая вибрация вызвала даже не прилив, а удар тошноты – мощно фыркнуло из артерии, парень еще дальше выкатил округлившиеся глаза, попытался вдохнуть, а воздух уже шел через разорванную трахею, сипя, как газ в духовке... Все это спрессовалось в секунды две-три, не больше. Ахмет пришел в себя, только почти отделив голову парня от беспорядочно конвульсирующего тела. Воздух в будочке, только что сухой и прохладный, сменился парным духом бойни – медный смрад живой крови, мочи, да еще с улицы тянуло горячей кровельной смолой. Из-под беспокойного трупя высовывается какое-то непонятное ружьишко, корявое какое-то, в наклейках – похоже, биатлонное. Ну, нах, некогда разбираться. Ахмет, хлопнув мокрыми штанами, вскочил с колен и, стараясь не зацепить взглядом тело, аккуратно выглянул, зажимая рвущие горло рвотные судороги. ...Ага. Сидят. Опаньки, и Валек. Ясно. Метров пятнадцать, чуть больше. Пронеслось: *Выскочить на рывке? Нет. Быстро обернутся. Пройду сначала сколько получится, типа этот идет, а там рвану. Первым этого, у которого ружье на коленях, а того с ноги попробую, а там и ножиком...* Тело само начало движение – Ахметзянов даже опешил, но искорка предчувствия удачи разгоралась, убирая тошноту, усталость и мандраж. Ахметзянов шел на неторопливо оборачивающихся врагов, понимая – все, все уже сложилось – и теперь только не испортить. Тело вскинуло ружье, ловко попав в паузу между шагами, – и черты лица обернувшегося наконец первого исчезли в красном облаке. Продолжая двигаться, Ахмет движением ствола указал второму: сюда встань. Пока тот двигал непослушное тело в указанное место, Ахмет подошел вплотную и мощным ударом ноги отправил его за бортик. Не прерывая движения, перехватил ружье и всем телом, стараясь не разболтать колодку, въехал застывшему Вальку по колену. Остановился. Все, завод кончился.

Руки сами разжались, и ружье глухо стукнуло по размякшему за день рубероиду. Порыв ветра обдал ознобом, напомнив, что вся одежда в крови и ссанье того, на лестнице. Мыслей не было, Ахмет ощущал лишь безразличный покой – он казался себе кусочком пустоты, невесть как здесь оказавшейся и зачем-то согласившейся принять участие в ненужной, утомительной суете. С воем Валька вновь появился звук – до этого все происходило в абсолютной тишине. ...*Блин, че он так орет*, – тупо подумал Ахмет. Откуда-то взялось раздражение. Ему больше всего хотелось лечь – прямо так, в мокром, закрыть глаза и избавиться от всего этого, перестать быть. А тут эта свинья орет, аж уши закладывает.

– Не ори, бля, козел!

Валек послушно заткнулся, вытаращив глаза на ствол в руках Ахмета. Ахмет проследил за его взглядом: ...*О, ружье. Блин, когда это я? Да по хуй. Щас уже, скоро...*

– Ты с ними когда договорился?

Валек, даже не пытаясь ответить, снова заверещал – голос Ахметзянова меньше всего напоминал голос живого человека. Но сам Ахметзянов этого не понимал, поэтому, повторив вопрос и снова не получив ответа, показал Вальку стволом: переворачивайся. Тело Валька

мгновенно все поняло, это было видно по глазам, но сознание еще за что-то цеплялось, и Валек послушался – захлебываясь криком и пытаясь как-то не потревожить сломанную ногу, тем не менее лег почти на живот. Ахмет обошел его, встал над головой и несколько раз быстро ударил ножом со стороны лопатки, пытаясь достать сердце. Один из ударов, похоже, достиг цели – начавший было сворачиваться и махать рукой Валек обмяк и спокойно раскинулся на рубероиде. Ахмет безразлично оглядел крышу, залитую теплым закатным солнцем. Два трупа. Где-то внизу должен быть третий. Утренний вояка казался даже не вчерашним, а позапрошлогодним. *...Все, спать, на хуй, спать. А то рухну прям где стою. Надо б еще осмотреться, вдруг кого на выстрел принесло...* Но егохватило лишь на сбор бесполезных спортивных ружьишек да поверхностный шмон трупов: мародером он тогда был еще совсем зеленым. Годом, да что там, полугодом позже он оставил бы три голых трупа; правда, целых – а некоторые заходили и подальше. Ключи ему не попались, и «уазик» пришлось заталкивать в бокс пердячим паром. Тщательно забаррикадившись, Ахмет вытянулся в кузове и мгновенно уснул.

Вспоминая этот день впоследствии, Ахмет поражался своему везению – на раскатистый выстрел двенадцатого калибра никто не явился, хотя рядом с УАТом раскинулось целое море гаражных кооперативов, где его по-любому слышало не пять и не десять человек. Так что, проснувшись ночью от холода, Ахметзянов спокойно отогнал «уазик» с грузом домой, заложив тем самым основу своей обороноспособности.

В ящиках оказались одни патроны. Ахмет даже расстроился – предвкушаемой обороноспособности достичь не удалось; он надеялся, что вороватые прапора как-то поразнообразней комплектуют свое выходное пособие; но у АК, доставшихся ему вместе с патронами, не оказалось даже рожков. Позже он, конечно, разжился и рожками, и гранатами, но по совершенно грабительскому курсу, оставшись с одной волюной из трех.

Вооружившись, он позволил себе выдохнуть и заняться мелкой бытовой суетой, предчувствуя, что скоро придет конец возможности свободно ходить по улице. Разобрав кирпичные перегородки, расширил жилплощадь, отведя под отапливаемую зону два самых небольших помещения. Цемент быстро стал дефицитом, причем за мешок надо было готовить или пять – десять банок пива, или пару килограммов сахара. Причем цены росли каждый день, и на краю лесопарка, где наиболее дальновидные давно уже валили сосны, каждое утро стоял заливистый мат: приходя на стихийное торжище, покупательницы – а покупали почему-то почти исключительно бабы – пытались усостить насупленных продавцов, преимущественно мужиков. Странно, но многие, едва ли не половина, принимали в оплату деньги, некоторые даже брали рубли – по невообразимому курсу, но все же. Основным средством расчета служила, конечно, жратва – патрон стал местным баксом лишь после осенней мясорубки, когда его ценность и универсальность стали окончательно ясны каждому. Народ вообще как-то быстро вышел из оцепенения первых дней и пытался наладить товародвижение. Тогда на торжке у леса продавались – и покупались ведь! – довольно странные товары, вплоть до бабьих красок и туалетной бумаги. Ахмет недоумевал – на хера отдавать банку сгущенки за пачку порошка? Или вот чудило – продает хорошую лопату за пачку курева. Вопреки его ожиданиям, это все не кончалось и не кончалось – и Ахмет принял решение: раз такая у вас страсть ко всякой дряни, надо помочь. Если вам лень сломать дверь брошенной квартиры и набрать всего этого даром, пожалуйста – мы парни не гордые и с большим удовольствием пошарим по округе. Забросив дровяные работы, Ахмет с головой ушел в мародерство. Люди, уезжая, оставили на удивление много товара, и за сентябрь Ахмет наторговал куда больше, нежели награл по магазинам. Единственное, что огорчало, – неразбериха с ценами устаканилась, и за пачку «Тайда» две банки сгущенки никто уже не давал; кроме того, конкуренция среди потрошителей квартир заметно обострилась, причем резко, практически за несколько дней. Несколько раз наткнувшись в пустых квартирах на свежие трупы коллег с проломленными головами, Ахмет стал куда осторожнее и перестал чистить жилые дома – на предприятиях тоже можно недурно нава-

ряться. Он даже пошел на серьезные затраты, оплачивая жратвой носильщиков. Те, весело крутя пальцем у виска, охотно брали просроченные консервы и другой скоропорт за доставляемые сумасшедшему Ахметзянову тележки всяческих промышленных грузов. ...*Давайте, давайте. Смейтесь, сколько угодно, только таскайте. Я свое возьму. Но не сейчас. Когда все эти передохнут*, – думал он, одной своей частью ужасаясь невесть откуда взявшемуся хладнокровному цинизму, – *останутся только ушлые. Ушлые быстро заживут как на зоне, семейками – это выгодно. А семейкам положено бодаться – специализация-с. Кто на что сядет, и будут держать. Вон вокруг дров-то уже щас че творится. Семьи станут оседать и укрепляться; вот тогда я и возьму настоящую цену и за газ, и за горелки, и за колючку...*

Если честно, то особенным сюрпризом Пиздец для него не стал – он, как и многие, чувствовал, что добром это все не кончится. В начале девяностых Это нависало очень отчетливо, но затем как-то нечаянно рассосалось; впрочем, было ясно – получена небольшая отсрочка. Потом завелся и окреп капитализм, и стало так суетно, что Это чуть ли не окончательно вытеснилось из поля зрения рекламной свистопляской, отдаленным грохотом Чечни и необходимостью зарабатывать все больше и больше. Ахметзянов растерянно наблюдал, как Это, сделавшись смешным и нестрашным, тем не менее уверенно прорастало откуда-то, увеличиваясь и наливаясь. Отдельные стволы – или щупальца? – вырастая, смыкались где-то наверху, и хотя солнце продолжало исправно выполнять свои обязанности – стало как-то... не темнее, как-то временнее, что ли... Сейчас попробую выразить. Все помнят старые стрелялки для первых пней? Помните эти залитые мертвенным светом из ниоткуда залы, площади, тоннели? Нет объема, теней, неоднозначности – поэтому трудно забыть об искусственности всего и слиться в берсеркерском упоении с деловитым Дюком или отвязными гимнастами из унреала. Жизнь вокруг стала именно такая – непрорисованная, Это высосало из нее реальность, и Ахметзянов недоумевал: отчего все вокруг, ежеминутно перепрыгивая, подныривая, переступая через могучие плети и стволы Этого, в упор ничего не видят? Порой Ахметзянову казалось, что он шизанулся и любит картину в нездоровом одиночестве, однако практически ежедневно убеждался в полнокровной телесности Этого; и напротив – все чаще его рука проваливалась в пустоту на месте привычных вещей из Нормального Реального Мира.

Простая идея поискать свои подобию отчего-то довольно долго казалась Ахметзянову абсурдом: уж очень интимный характер носили его повседневные диалоги с Пиздецом Надвигающимся. Тем не менее Ахметзянов прилежно сканировал каждого человека на предмет тех нюансов поведения, реакций, незаметных оборотиков речи, которые свидетельствовали о причастности носителя Клубу Заметивших. С точки зрения эффективности это был микротом; лопата более широкого взгляда сработала лучше. Оказалось, что он «такой» совсем не один: вокруг ростков Этого, хотя каких, на хер, ростков – уже скорее стволов, с гармошками и кумачом бродили пенсионеры, болтливые и жадные, очень похожие на бандерлогов из «Маугли». К потрясающим портретам забытых вождей Ахметзянов всегда относился с брезгливой жалостью; ему казалось мелким блядством поминать всеу Это только потому, что в своем неумолимом распознании Ему случилось перевернуть твою персональную миску.

...Такие видеть Это не могут, – небезосновательно считал Ахметзянов, – *разве как землеройка, возмущенная транзитом слона через ее охотничьи уголья...* Были и другие, но такие же чокнутые. Несмотря на свое незавидное социальное положение, Ахметзянов с начала девяностых читал исключительно издания ИД «Спекулянтъ», имея целью понять, как же все теперь будет устроено. Через достаточно продолжительный период начав немного ориентироваться в системе столичных иносказаний, Ахметзянов обнаружил, что не одинок в своем диагнозе. Но, к его безграничному удивлению, факт Неумолимо Надвигающегося Пиздеца отнюдь не печалил высокоумных экспертов – их внимание полностью занимало то, с какими бюджетными показателями и на какой модели «Лексуса» встретить Пиздец было бы вполне

комильфо. Ахметзянову стало ясно, что первые считают проблему несущественной по сравнению с какими-то льготами, компенсациями и доплатами; из-за смутных представлений о предмете «льготы» у него жестко ассоциировались с чем-то вроде манной каши, выдаваемой после долгой очереди в пыльных «учреждениях» со стульями в коридоре. Когда Это настанет, они все так же станут трясти кастрюлями и справками у Его подножия. ... *С этими дурацкими справками*, – мысленно ухмылялся Ахметзянов, – *только к Пиздецу вам и дорога; ну и лопайте, с брызгами. А мы уж как-нибудь...* Вторые, похоже, настолько уверены в собственной московскости & столичности, что даже Пиздец их не сильно-то и пугает. Особенно его покорила фраза о «комплиментарности да хоть Зюганову». Ахметзянов не был уверен в корректности собственного толкования их переливчатых пассажей, но из контекста следовало, что она «комплиментарность» считается в том кругу отличным средством не только от Зюганова, но и от Пиздеца почему-то тоже. Да, отдельные черты Этого сквозили, сквозили в некоторых ракурсах зюгановского оскала, но концентрация была безобидно низка. Зюганова Ахметзянов почти не боялся – ведь Зюганов сам боялся и вел себя все приличнее, пока высокоумные совсем не перестали его ругать. Часть учителя математики определенно главенствовала над неизвестно откуда попавшей в него частицей Пиздеца – иначе он сам всех ругал бы, а не угрюмо отбуркивался от лощенных нахалов из телевизора.

Присмотревшись повнимательней к ругающим, Ахметзянов отверг и их. Как же поможет избежать встречи с косматым валом хаоса инвестиционный портфель и МВА – было неясно, но ироничная спокойная уверенность Отвалова и Соколкина вызывала зависть. Было ясно, что эти уж на последний пароход, а влезут. Ему тоже хотелось бы Тогда стоять на борту последнего парохода и с облегчением провожать влажным взглядом трясущиеся от Его поступи родные берега, совсем как возвышенно описывал какой-то умник времен Его прошлого визита.

Но все началось как-то буднично; какого-то значительного события, могущего послужить вехой, так и не произошло, разве что из телепередач как-то понемногу исчез возродившийся было стиль надоев и привесов, паяться в телик стало стало гораздо интереснее – кругом всплывали такие непотребства, что кругом шла голова. Оказывается, все деньги в стране были украдены, и мы еще оставались столько должны, что даже начинать расплачиваться было бессмысленно. Странно, но кредиторы не особо и расстраивались – наоборот, всячески пытались нам помочь – везли нам красивые автомобили, шустро переделывали ненужные заводы в нарядные аквапарки и торговые центры. Ахметзянов сначала испытывал насчет иностранцев смутные подозрения, но затем, когда Газпром слился с одной ихней фирмой и министром финансов стал какой-то то ли Шайлок, то ли Шмайлок, средняя зарплата стала около ШТУКИ. С такой подачей лелеять старые дурацкие подозрения было уже совсем нелепо, и Ахметзянов наконец успокоился. Когда ему оставалось выплачивать за машину всего полгода, этим нашим заебавшим правителям опять вздумалось устроить очередной кризис, как в конце прошлого века. Правда, что-то смутно мелькало в сети и по ящику задолго до того, как кризис поразил Россию, но Ахметзянов особого значения этому не придавал и вместе со всеми остервенело материл кремлевских козлов. Мало того что они не отдали какие-то деньги, у этих уродов хватило ума выгнать умницу Шайлока – они еще назло, видимо, нормальным странам полезли целоваться в десны со всякими индусами да китаезами. Те, ясно, в отказ – враз припомнили обиды, что им какую-то военную хреновину когда-то не продали. Наши тык-мык, а ото всюду им только приветы шлют, когда, мол, бабки возвернете? Даже из Африки, или где там они водятся, обезьян в простынях тогда принесло, «урегулировать», понимаешь, «вопрос задолженности». Даже мартышкам задолжать умудрились, уроды. Не жилось им спокойно, ведь так хорошо все пошло, когда перестали из себя эсэсэсэр изображать. Сотовые дешевле грязи, машину хочешь – пожалуйста, приходи, садись, езжай; деньги на двадцать лет хотите, или на двадцать пять... Только вздохнул народ, так нет – ну отдали бы эти сраные газпромы да роснефти с луйками. Все, блин, козлы, не могли нацареваться – а один хрен, бензин-то дороже,

чем в Европе. Ну и на хрена эта Москва на нашу голову – надо было нашим дундукам не ерепениться и в ЕС соглашаться, пока зовут, сейчас жили бы людьми. И главное, все время кого-то им в сортире замочить надо, спокойно не живет. То чеченцев бомбили двадцать лет, то им теперь эти, как их, удмурты помешали – ну родня они финнам, ну пусть ездят, пусть гражданство имеют. Та же Грузия – ну че их было, убогих, трогать, ну, лаёт шавка, мало ли таких... Вон Калининграду что, хуже стало? Тот же Питер – не узнать, говорят; вон, даже когда Это Все Началось – в Питере ни одного выстрела, там же куда ни плюнь – офисы всех этих немцев да всяких шведов. Да и про войска ихние – можно подумать, они воевать с нами приехали. Ну стоят, летают где-то – и что? Никакого убытка, наоборот, как вон в Казани две дивизии стали – татарва наша чокнутая сразу про политику забыла на хрен, снова как нормальные люди зажили, с солдат ихних стригли – мама не горюй. Там, говорят, бутылка пива по четыре еврика шла, так что бабок татары нарубили. Все лучше, чем с зелеными флагами по улицам бегать, как в девятом году. А потом все как-то резко поплохело – че-то там с курсами каких-то валют опять вышло. И тут наши западные друзья-товарищи начали гнить. Сперва-то вроде и помалу, а дальше – больше. С Челябинского Катерпиллера тысяч чуть ли не десять в одночасье попросили, в Уфе то же самое, говорят, ваш Сикорский не продается что-то. Давайте идите в «Макдоналдс», жарьте там гамбургеры. Ага, за двести евро – а у людей семьи, кормить-то как?.. В Ебурге вон тоже – «Сименс» стоит, АВВ стоит, один «Дюферко-ВИЗ» че-то еще дышал да в области пара заводиков, что к этому, как его, Шлюмбергеру относятся.

Следующий день начался с похода за водой, помалу начавшего входить в привычку. По берегу, несмотря на довольно ранний час, уже слонялись обыватели. Набравшие воды не торопились расходиться, скучковавшись по трое-четверо, что-то обсасывали вполголоса. *...Похоже, именно водопой теперь станет тридцатовским органом общественного мнения. Поликлиника да собес-то все, кирдык... Эх, надо бы флягу надьбать, пластиковую, литров на сорок – как вон у этой бабы. Да черпачок на ручке, а то пока так воды наберешь – забьешься, – уныло думал Ахмет, наполняя неудобную узкогорлую бутылку из-под «Родниковой» с помощью литровой банки. – Так, что у меня сегодня, какие дела... Печку надо доделать – это раз; дров нарубить – два, и чтоб до обеда все закончить. Хотя цемент кончается... Потом пожрем, и пойду в двадцать первый дом, выковырну лючок с чердака. А уж к вечеру – за цементом и прочей хренью. Эт три...* Примерно таким образом – в достаточно спокойных строительно-заготовительных делах – незаметно промелькнуло бабье лето. По телику никаких приветов больше не передавали, да никто, собственно, и не ждал. Люди поприходили в себя, парадоксальная реальность понемногу уложились в головы; не зря человек считается самой способной к адаптации скотиной. Все спокойно ходили по городу, торговали друг с другом, начали даже выпускать во дворы детей, но все равно это было лишь отсрочкой. Ахмет чувал, что все эти улыбочки да «добрый день» при встрече – лажа. Глаза людей стали другими – в них больше не было той сонной тупости, приглушенной зависти и мелкой, бессильной злобы. Теперь, если приглядеться, в глазах обывателей мелькали истинные, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ оттенки: кровожадная тупость, бесстрашная хищная зависть и по-настоящему звериная злоба, мощная и яркая. Сыто спавшие привычным сном, под уютное бормотание Петросяна – они наконец проснулись. Снова стали лучшими хищниками планеты, вручную передувившими всех мамонтов и забившими пинками саблезубых тигров. Тоже всех, заметьте, до последнего. Ахмет наблюдал за этими метаморфозами с некоторым испугом. *...Мы все привыкли, что мерой опасности является исключительно социальный статус. А теперь любое чмо может просто прирезать тебя, если лоханешься. Надо перестраиваться, иначе кто-то тебя самого перестроит, наглушняк. Как вон бык-то охуевший из хлебного нарвался. Сам же отоварил...* Иногда мысленно гладивший себя по голове за «своевременно и разумно» проведенные экспроприации, теперь он начинал понимать, что настоящая игра еще и не началась. *...Повезло*

просто. А смотри-ка, едва не зазнался. Не, все-таки слаб человек насчет понтов. Противник еще на ринг не вышел, а я уже раскланиваться че-то пытаюсь. Как, бля, в анекдоте про Вицьина: сколько, типа, раз кончил? Три, только она еще не пришла. До чего же полезная штука телевизор. Так задуматься, а ведь именно он был валерьянкой для всего этого стада, а я, баран, еще чего-то ругался. Молиться на него надо было. У-у, бля, рожки какие... Не, покажут они себя, ненадолго все эти «здрости – до свиданья», хуй поверю...

И вот в этот самый, как и положено, прекрасный день плохие предчувствия Ахмета оправдались. День тот начался вполне безмятежно; основные хозяйственные стройки века закончились, жрачки, по прикидкам, должно было хватить до следующего лета. Каждый день, бросив в сумку гвоздодер, Ахмет отправлялся посмотреть, где что плохо лежит. В тот день ему взбрело в голову посетить начисто растащенный «Орфей» – почему-то казалось, что там еще вполне реально что-то найти. Казалось совершенно зря, и с темнотой пришлось лечь на обратный курс, несолоно хлебавши. Чисто из принципа насобирал в битом стекле под перевернутыми витринами иголок, ниток и прочей бабской дряни. ...Хуйня, пригодится. Ладно, все это хорошо – да только что-то темнеет, хрен че видно. Пора нах хаузе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.